

Московский Центр Карнеги

Андрей Рябов

«Самобытность» ВМЕСТО МОДЕРНИЗАЦИИ

**Парадоксы российской политики
в постстабилизационную эру**

Москва • 2005

УДК 323/324(470)
ББК 66.3(2Рос)
Р99

Originality Instead of Modernization: Paradoxes of Russian Politics in the Post-Stabilization Era

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs>

Издание осуществляется на средства некоммерческой неправительственной исследовательской организации — Фонда Карнеги за Международный Мир при финансовой поддержке благотворительных фондов Carnegie Corporation of New York, Starr Foundation и Charles Mott Foundation. В соответствии с условиями предоставления грантов издание распространяется бесплатно.

В книге отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Рябов А. «Самобытность» вместо модернизации: парадоксы российской политики в постстабилизационную эпоху. — М.: Гендальф, 2005. — 64 с.

ISBN 5-88044-171-7

Книга посвящена вопросам модернизации в постсоветской России, в частности почему модернизационный выбор, который когда-то стал отправным пунктом социально-экономической и политической трансформации России, так и остался невостребованным обществом и правящими кругами. Автор приходит к выводу, что вместо подлинной модернизации Россия снова ищет особый путь развития, который позволил бы ей приспособиться к новым мировым реалиям, избежав при этом серьезных внутренних изменений.

УДК 323/324(470)
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 5-88044-171-7

© Carnegie Endowment for International Peace, 2005

Содержание

Об авторе	5
Вместо введения	6
Модернизационные задачи и инерция переходного состояния.....	7
Исходный импульс к трансформации	7
1990-е годы: почему модернизация не состоялась	8
Стабилизация начала XXI в.: запрос на перемены или на сохранение статус-кво?.....	12
Оптимизация системы вместо модернизации.....	15
«Управляемая демократия»	20
Новая политическая система и ее возможные интерпретации.....	20
Каким образом возникла «управляемая демократия»	22
Особенности политического режима Путина.....	28
Государственный капитализм как особый путь развития страны	34
Очевидные тенденции	34
Причины и политические последствия	38
Основные параметры возможного кризиса модели	44
Запрос на патерналистское государство, который нельзя игнорировать	44
Борьба в верхах и непрофессиональные решения как факторы срыва в неопределенность.....	48
Кризис легитимности и угроза национализма	52
Ограниченный выбор: между системным кризисом и «закрытой гегемонией»	55
Примечания	59
Summary.....	62
О Фонде Карнеги.....	63

Contents

About the Author	5
In Lieu of an Introduction.....	6
Modernization Goals and the Inertia of a Transitional State	7
The Original Impulse to Transform	7
The 1990s: Why Modernization Didn't Happen	8
Stabilization in the Early 21st Century: Demand for Change or for Maintaining the Status Quo?	12
Optimizing the System Instead of Modernizing It	15
“Managed Democracy”	20
A New Political System and Its Possible Interpretations.....	20
How “Managed Democracy” Came to Be	22
Distinctive Features of Putin’s Political Regime	28
State Capitalism as the Country’s Special Course of Development	34
Obvious Trends	34
Causes and Political Consequences	38
The Main Threats to the Current Model	44
Demand for a Paternalistic State.....	44
Battle at the Top and Unprofessional Decision-Making.....	48
Crisis of Legitimacy and the Threat of Nationalism.....	52
A Limited Selection: Between Systemic Crisis and “Closed Hegemony”	55
Notes	59
Summary (In English)	62
About the Carnegie Endowment.....	63

Об авторе

Андрей Виленович Рябов является членом научного совета Московского Центра Карнеги, сопредседателем программы «Российская внутренняя политика и политические институты». Редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения». Кандидат исторических наук (Московский государственный историко-архивный институт). В течение нескольких лет в середине 90-х годов работал заместителем директора Центра политологических программ в Горбачев-фонде. Являлся старшим научным сотрудником Кафедры современного политического процесса России МГУ (1993) и Центра международных программ Российского независимого института социальных и национальных проблем (1992).

Вместо введения

Прошло уже почти 20 лет с тех пор, как первые решения тогдашнего руководства СССР, направленные на либерализацию хозяйственной и политической жизни, ознаменовали начало постепенной рыночной трансформации советского, а затем и российского общества. Первичным импульсом этих изменений стало, как это уже не раз бывало в истории России, желание, модернизировав страну в экономическом и технико-технологическом отношениях, преодолеть ее отставание от высокоразвитых государств. Однако модернизационный выбор, который когда-то стал отправным пунктом всей последующей социально-экономической и политической трансформации России, так и остался невостребованным обществом и новыми правящими кругами ни в эпоху революционных изменений в бурные 1990-е годы, ни в период стабилизации начала XXI столетия. Вместо этого Россия снова ищет особый путь развития, который позволил бы ей приспособиться к новым мировым реалиям, избежав при этом серьезных внутренних изменений. Обычно такой подход оправдывают стремлением сохранить самобытную внутреннюю организацию экономического и политического пространства. Почему страна в последние десятилетия так упорно отвергала модернизационный выбор? Насколько удачным может оказаться новый социальный эксперимент? Эти вопросы автор рассматривает в книге.

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ЗАДАЧИ

и инерция переходного состояния

Исходный импульс к трансформации

Начало рыночной трансформации в бывшем Советском Союзе в решающей степени обусловила реакция тогдашних правящих кругов страны на экономическую неэффективность советской модели. В 80-е годы прошлого века стало очевидно, что СССР проигрывает не только гонку вооружений Соединенным Штатам Америки, но и соревнование с западным сообществом в целом — в технике и технологиях, в социальном прогрессе, качестве жизни. Поэтому необходимость рыночной трансформации изначально мотивировалась важностью решения модернизационных задач, которые руководство СССР понимало преимущественно в экономическом, социальном и технологическом аспектах.

У понятия «модернизация» — множество разных определений. В этом тексте использована его широкая трактовка. Она предполагает, что под модернизацией понимают «социально-экономическо-технологическую революцию, которая радикально меняет всю жизнь общества»¹. Важно также подчеркнуть, что на современной технико-технологической стадии развития человеческой цивилизации успешными могут стать только такие попытки модернизации, которые приводят к росту благосостояния основной массы населения. Ведь именно развитие человеческого капитала является одновременно и главной целью и основным фактором социально-экономического и научно-технического прогресса².

Глубокая потребность в модернизации сохранилась в нашей стране и в постсоветский период, когда на развалинах СССР было создано новое независимое государство — Российская Федерация. Для успешного обновления ей необходимо было решить как минимум три важные задачи. Во-первых, следовало найти социальных и политических акторов (субъектов), заинтересованных в модернизации и готовых стать ее лидерами. Только опираясь на

них, власть может рассчитывать на последовательное проведение модернизационного проекта в жизнь. Во-вторых, нужно было решить, какие формы организации экономического, социального и политического пространства хотелось бы получить в итоге преобразований; чтобы быть оптимальными, они должны соответствовать хозяйственным, географическим, социокультурным и другим особенностям России. В-третьих, ей предстояло обрести новую идентичность в условиях быстро менявшегося, глобализовавшегося мира. И, наконец, модернизация была возможна только при условии общественно-политической и экономической стабильности в стране.

1990-е годы: почему модернизация не состоялась

Однако к концу века эти задачи так и не были решены. Новые элиты, ядром которых стали третий или даже четвертый эшелоны бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры, взялись не за построение «экономики для всех», а стали быстро приватизировать самые прибыльные предприятия, доставшиеся российской власти в качестве «трофеев» советской экономики. Новый правящий слой понимал: безболезненно интегрироваться в мировую элиту он сможет только при том условии, если в течение короткого исторического периода станет классом собственников в стране с огромными природными ресурсами. Большинство же населения, не имевшее адекватных представлений о рыночной экономике и не обладавшее знаниями и навыками, необходимыми для приспособления к новым условиям, следовало индивидуальным стратегиям выживания. По этой причине, а также из-за того, что процесс адаптации потребовал от общества огромных усилий, социальная и политическая активность населения в 90-е годы была весьма низкой. Основная масса граждан проявляла растущее безразличие к общенациональным политическим проблемам и будущему страны. Понятно, что в обществе, где элита под видом общенациональной политики проводила линию, направленную на удовлетворение узкокорпоративных интересов, а большинство населения вынуждено было сосредоточиться на задачах выживания, не мог сложиться общенациональный консенсус по вопросу о перспективах развития страны. Поэтому нельзя было сформу-

лизовать цели модернизации, разработать соответствующий общенациональный проект. По той же причине остановилась где-то на полпути и посткоммунистическая трансформация России, понимаемая как движение к обществу с политической демократией и свободной рыночной экономикой.

Исследователи расходятся во мнениях, отчего это произошло. Согласно одной весьма распространенной точке зрения, половинчатость начатых политических и социально-экономических изменений предопределили два фактора. Первый: слабость гражданского общества и демократического движения в России. Второй: доминирующая роль, которую в трансформационных процессах играла прежняя партийно-советская номенклатура. Она стремилась провести рыночные реформы в ограниченных масштабах, приспособив их к реализации своих эгоистических целей³. Иными словами, альтернативы той трансформации, которая состоялась в 1990-х годах, у России, собственно, и не было. По другим оценкам, такое развитие стало результатом осознанного политического выбора, сделанного российскими элитами, которые отвергли перспективы иной политики⁴. Так или иначе, но правящие круги отказались от стратегии модернизации страны. По крайней мере до августовского дефолта 1998 г. отечественные элиты, видимо, и экономически не были всецело заинтересованы в модернизации. «Трофейная» советская экономика представляла собой огромный, еще не поделенный объект экспансии, западное сообщество и международные финансовые институты регулярно оказывали России финансовую и экономическую помощь, а широким общественным слоям, поглощенным проблемами выживания, давление на элиты и проводимую ими политику было не под силу.

Российские верхи так и не предложили обществу никакого «проекта будущего» для страны, который позволил бы оптимальным образом организовать социальное, экономическое и политическое пространство России. Стандартный набор мер, рассчитанных на рыночные реформы в экономике и демократические преобразования в политической сфере, практически не учитывал особенностей страны. У российских властей не было четких представлений о том, какую общественную модель они хотели бы получить в результате масштабных изменений. Да и изменения эти не сопровождалась для большинства населения подъемом благосостояния, отчего уже с середины 1990-х годов общество начало отторгать.

Не удалось России в этот период обрести и новую идентичность. Прежняя (советская, а по сути, имперская) неуклонно разрушалась, но администрация Бориса Ельцина по-прежнему пыталась проводить неоимперскую политику, пусть не в глобальном масштабе, а лишь в отдельных регионах мира (к примеру, на постсоветском пространстве и на Балканах). Но у России уже не было для этого ни экономических, ни военно-политических, ни даже социокультурных ресурсов, поскольку население, занятое индивидуальной адаптацией, все меньше интересовалось внешней политикой. Интерес же к общенациональным внутривнутриполитическим проблемам, если и был как-то обозначен, то скорее в духе солженицынского эссе «Как нам обустроить Россию?», т. е. как сделать ее во всех смыслах более комфортной для проживания. Попытки решить проблему кризиса идентичности «сверху», выработав официальную государственную идеологию, или «национальную идею», успехом не увенчались. В условиях происходившей в мире глобализации правительство, бесконечно лавируя на международной арене между интересами различных государств и их сообществ, стремилось вопреки нарастающему дефициту ресурсов сохранить национальный суверенитет в полном объеме. Однако это лишь мешало России усваивать удачный международный опыт обновления общественного порядка, осложняло поиски места в меняющемся мире и препятствовало складыванию новой идентичности.

Российские проблемы в этой сфере выглядят рельефнее и понятнее на фоне трансформации в государствах Центральной и Восточной Европы, а также Балтии, где цели преобразований были изначально ясны политическому классу и большинству населения. Они хотели вернуться в Европу, в европейскую цивилизацию через интеграцию в структуры НАТО и Европейского союза. Именно европейские социальные, политические, гуманитарные и экономические стандарты стали для народов этих стран ориентиром при модернизации, в ходе которой одновременно формировалась и их двойная идентичность — как новых политических наций, возникших в результате восстановления суверенных национальных государств, и членов сообщества европейских народов.

Итогом изменений 1990-х годов стали негативные процессы в разных сферах жизни России: падение ВВП, который до сих пор не вернулся к показателям 1990 г., снижение качества человеческого капитала и уровня жизни основной массы населения. По своей

направленности эти тенденции оказались во многом противоположными декларированным целям реформ. В этой связи уместно вспомнить характеристику итогов этих перемен, данную Григорием Явлинским, который назвал их «демодернизацией»⁵.

К середине 1990-х в России сложилось переходное общество, основанное в целом на принципах рыночной экономики и с довольно значительными элементами политического плюрализма (закрепленные в законах демократические процедуры, выборность институтов власти, открытая конкуренция между разными группами элиты). Однако уже в тот период общество вполне определенно продемонстрировало склонность к стагнации. В углублении преобразований оказалась незаинтересованной часть сформировавшихся в их ходе элитных групп, занявших влиятельные позиции в госаппарате, бизнесе и политике. Их появлению в немалой степени способствовало встраивание в новый порядок таких отношений и институтов, как государственное распределение экономических ресурсов через личные связи и клиентелизм, коммерциализация государственной собственности. Со временем эти отношения и институты, происходившие из управленческих традиций прежней партийно-советской номенклатуры и привнесенные ею в госаппарат и бизнес, стали одной из основ могущества новых элитных групп. Новый же средний класс, особенно в крупных городах, возник не столько в результате свободного развития рыночных отношений, сколько был создан элитами за счет сверхдоходов от продажи природных ресурсов. Поэтому он представлял собой не самостоятельную в экономическом отношении страту, а зависимые от правящего слоя группы, занимавшиеся финансовым, управленческим, информационным и юридическим обслуживанием его интересов. А так как большинство населения воспринимало господство новых элит как вопиющую социальную несправедливость, эти элиты остро ощущали дефицит легитимности и увидели в среднем классе потенциально важного политического союзника. Вследствие особенностей происхождения и положения в социальной структуре общества средний класс тоже оказался нацеленным на сохранение своего привилегированного статуса и потому занял весьма консервативную позицию по отношению к дальнейшим рыночным переменам. К примеру, городские средние слои весьма настороженно отнеслись к попыткам правительства навести в 1996—1998 гг. элементарный порядок в сборе налогов.

Таким образом, социальные слои, которые добились успеха на первом этапе преобразований, оказались по существу порождением половинчатой, «остановившейся» трансформации, не приведшей к реальным модернизационным сдвигам в стране. Эти группы сумели приспособиться к переходному общественному порядку и были объективно заинтересованы в его максимально возможной пролонгации. Подобные социальные субъекты возникли и в других посткоммунистических странах. В современной польской социологии они получили, на мой взгляд, весьма емкое название «трансферклассов». Однако в восточноевропейских странах, поставивших своей целью присоединиться к евроатлантическим структурам, нежелание «трансферклассов» двигаться по пути перемен натолкнулось на мощное давление со стороны Евросоюза и НАТО. В России же эти слои к продолжению преобразований никто извне по сути не принуждал.

Модернизацию тормозили также тяжелое экономическое положение страны и кризисное состояние ее политической системы. Серьезной проблемой для трансформирующейся российской экономики стало длительное падение цен на главный продукт национального экспорта — нефть. Это привело к внутренней неустойчивости экономики, породило хронический дефицит бюджета. Ситуацию усугубляла политическая нестабильность, вызванная слабостью новых институтов, глубоким расколом общества на сторонников и противников реформ, непредсказуемостью политики Ельцина, который после своего повторного избрания в 1996 г. полностью сосредоточился на проблеме собственного политического выживания. Отсутствие экономической и политической стабильности также препятствовало осуществлению модернизации.

**Стабилизация начала XXI в. :
запрос на перемены
или на сохранение статус-кво?**

Однако когда эпоха Ельцина завершилась и новым президентом страны избрали Владимира Путина, ситуация в России стала стабилизироваться. Постепенно наметился экономический рост, начало улучшаться благосостояние граждан, заметно ослабели конфликты во всех сферах российской политики. Эти

изменения приветствовала бóльшая часть населения — как элиты, так и массовые общественные слои. Казалось бы, складывавшаяся ситуация благоприятствовала выработке и воплощению в жизнь модернизационного проекта. Однако анализ показывает, что по сравнению с предшествующим десятилетием в отношении перспектив модернизации мало что изменилось.

Прежде всего несколько слов о природе достигнутой стабильности. Нередко ее называют «термидором», стремясь тем самым подчеркнуть, что стабилизация стала закономерным этапом современной истории России, завершившим время активных революционных изменений. Однако это отождествление кажется мне неточным. Социальная основа политического порядка, сложившегося в России в начале президентства Путина, существенно отличается от той, что принято связывать с «термидорианским» порядком. Последний опирается на господство социальных сил, которые добились власти и собственности в ходе революции и по мере ее развития и углубления стали консервативными. Массовой базой «термидорианского» политического режима во время Великой Французской революции XVIII в. было, как известно, крестьянство. Получив в собственность землю и защитив ее от угрозы реституции в пользу прежних владельцев, оно перешло на охранительные позиции и охладело к продолжению революционных изменений.

Природа стабильности в России первых лет президентства Путина была совершенно иной. С одной стороны, она опиралась на стратегические интересы новых элит, которые сформировались при Ельцине в результате масштабной приватизации и переустройства системы власти на новых началах. Эти элиты выросли в «тепличных» условиях. Государство не только участвовало в их формировании, продавая предпринимателям, близким к властным институтам, наиболее прибыльные, системообразующие предприятия национальной экономики по заведомо низким ценам, но и тщательно оберегало их от конкуренции как со стороны крупных зарубежных корпораций, которым был закрыт доступ в наиболее важные отрасли, так и со стороны среднего и мелкого бизнеса, оказавшегося под мощным прессом и государственных органов, и криминалитета. Эти элиты хотели удержать свои доминирующие позиции в экономике и политике, и потому стабильность, понимаемая как статус-кво и предсказуемость государственной политики, была для этого слоя важнейшим политическим приоритетом.

С другой стороны, стабильность поддерживало большинство населения. От ельцинской рыночной революции оно не получило материальных выгод и, что особенно важно, не стало массовым классом собственников. Этой частью общества 90-е годы воспринимались как время хаотичных изменений, разрушивших привычные представления о порядке и справедливости, лишивших миллионы людей ощущения защищенности и личной безопасности. Ценой огромных усилий большинство россиян научилось жить при новом социальном порядке⁶, хотя по-прежнему не признает его эффективным и справедливым. В понимании этого большинства стабильность — это прежде всего отсутствие негативных изменений, порядок, воспринимаемый как восстановление способности государства влиять на общественные процессы, обеспечивать исполнение законов, в том числе и привилегированными слоями. При этом большинство россиян не рассчитывало в ближайшие годы радикально улучшить уровень своего благосостояния.

Таким образом, массовые слои населения стремились к стабильности не оттого, что та удовлетворяла их заинтересованность в сохранении достигнутого. От нее ожидали постепенных, пусть даже незначительных, перемен к лучшему. Обе эти составляющие нынешней российской стабильности связал президент Путин. «Верхи» востребовали его потому, что в первые годы своего президентства он в отличие от своего предшественника стал проводить вполне предсказуемую политику. Огромная популярность в общественном мнении помогла Путину сделать то, что не удалось Ельцину с его харизмой: легитимировать постсоветские порядки и власть нынешней элиты. Первый президент России был вынужден считаться с сильной коммунистической оппозицией, которая выражала нежелание значительных слоев населения признать законность перемен. Путин же сфокусировал на себе позитивные общественные ожидания разных социальных слоев и электоральных групп, в том числе патерналистски настроенных и прежде связывавших свои надежды с коммунистами. Лидер КПРФ Геннадий Зюганов справедливо заметил в этой связи: «в массах преобладает левая надежда на власть, а не левый протест против власти»⁷. Опросы общественного мнения, показали, что подобное восприятие Путина оставалось неизменным в течение четырех лет. По оценкам социологов, снижения его рейтингов можно ожидать только после начала непопулярных социальных реформ 2004—2005 гг.

Экономической основой стабильности стали, как уже отмечалось, высокие мировые цены на нефть. Они позволили правительству в течение нескольких лет увеличивать социальные расходы, повышать пенсии и заработную плату бюджетникам.

Очевидно, что из-за переменчивости общественных ожиданий конструкция нынешней стабильности довольно неустойчива. По мнению большинства российских аналитиков, «обвал» позитивных ожиданий может произойти как по экономическим причинам (в результате резкого падения цен на нефть), так и по политическим (вследствие разочарования в намеченных правительством социальных реформах и усиления страхов перед ростом терроризма).

Стабильность была достигнута не в результате формирования общественного консенсуса вокруг целей и путей дальнейшего развития страны. Это скорее договор о ненападении, заключенный между основными социальными акторами. Из-за отсутствия позитивного содержания и неустойчивой природы нынешнюю стабильность трудно считать предпосылкой для перехода к политике модернизации. Напротив, существует риск, что она может быстро разрушить хрупкий статус-кво и создать серьезные проблемы перед реализацией модернизационного проекта.

Оптимизация системы вместо модернизации

Гораздо сильнее, чем неустойчивая природа постъельцинской стабильности, российской модернизации препятствует отсутствие в обществе ее субъекта — хотя с начала реформ прошло уже более десятилетия. Конечно, после дефолта 1998 г., который подвел черту под целым периодом экономического развития, взгляды российских элит на будущее страны претерпели определенные изменения. При этом сказалось влияние объективных факторов. Существенная часть ресурсов «трофейной» советской экономики была исчерпана, а основная собственность поделена. Это сделало необходимым переход к более совершенным формам организации социально-экономической сферы. Поэтому в 2002—2004 гг. российские элиты одобрили предложенные президентом и правительством дальнейшие рыночные преобразования. С теоретических позиций продолжение трансформации общества на рыночных основаниях является необхо-

димым условием для реализации модернизационного проекта. Однако российские элиты рассматривают эти реформы не столько как стратегию перехода к новому обществу, основанному на принципах открытого рынка и конкурентной демократии, благоприятствующему развитию человеческого капитала, сколько как инструмент *оптимизации* нынешней системы, ее приспособления к быстро меняющимся реалиям, а стало быть, и сохранения своего безусловного доминирования. Оптимизация предполагает также избавление системы от отягощающих ее дополнительных расходов и издержек. С этой точки зрения показательна позиция министра образования и науки Андрея Фурсенко, посчитавшего, что в России существует избыточная фундаментальная наука и слишком много вузов. Казалось бы, в современную эпоху, когда развитие страны напрямую зависит от ее научно-технического потенциала и способности лидировать в области технологий, именно состояние фундаментальных исследований следует причислить к приоритетам государственной политики. Однако так поступают только правительства, действительно озабоченные постиндустриальной модернизацией своих государств. В России же властвующая элита занята лишь оптимизацией системы, созданной на базе *petrol state*. Иными словами, набор стандартных рыночных реформ не следует отождествлять с модернизационным проектом. Реформы — это лишь средство его реализации. На практике же правящие круги современной России рассматривают преобразования главным образом в двух аспектах: как способ решить фискальные проблемы и ввести в рыночный оборот те сектора экономики, которые с советских времен остались в собственности государства. В 2003—2004 гг. в реформах стали видеть еще и инструмент, позволявший переадресовать часть средств, которые служили удовлетворению социальных нужд, на развитие военно-промышленного комплекса и системы национальной безопасности. Это публично признал президент Путин. По его словам, ресурсы, направляемые в последние годы на нужды обороны, «отрываются от социальной сферы, от самой экономики, которая могла бы развиваться еще большими темпами»⁸. В бюджете России на 2005 г. затраты на оборону и безопасность поглотят более половины всех государственных доходов. Эта рекордная за всю постсоветскую историю России сумма включает в себя, в частности, и средства, полученные за счет сокращения социальных расходов. При таком подходе задача борьбы с бед-

ностью, названная Путиным одной из основных целей его второго срока пребывания на посту президента, скорее всего останется лишь декларацией о намерениях.

Социально-экономическое и политическое развитие России в 1990-е годы показало, что для модернизации страны необходимы еще структурная перестройка экономики и демократизация процессов принятия решений.

Первая задача затрагивает не только экономику. Нынешняя топливно-экспортная ее модель не может быть «экономикой для всех». По оценке Явлинского, «она устроена так, что сможет обеспечить приемлемый уровень жизни примерно для четвертой части населения России»⁹. Существуют и другие оценки. Но все они сводятся к тому, что при сохранении нынешней структуры национальной экономики большая часть жителей страны не будет иметь доступа к достижениям современной цивилизации, в том числе и в том, что касается качества жизни. По недавно обнародованным данным, 63% населения России не умеет пользоваться компьютером и еще большая его часть не знает Интернета, а значит, исключена из современного социального пространства и коммуникаций. У этих людей нет возможности интегрироваться в «новую экономику», и они обречены жить в условиях отсталых социально-экономических укладов, которые разрушаются и становятся все более примитивными. Политические последствия этого могут оказаться серьезными: такие слои неизбежно станут воспроизводить консервативно-патерналистские настроения, с которыми будет вынуждена считаться любая власть. Огромные диспропорции социально-экономического и географического характера примут застойный характер и станут еще более труднопреодолимым препятствием для поступательного развития страны. Если к бедным, которых по данным Госкомстата России в 2004 г. насчитывалось 24,3 млн человек, прибавить патерналистски настроенные переходные группы, так и не ставшие средним классом, то вместе они составят уже примерно половину населения¹⁰. Таковы самые скромные оценки численности тех, кто хотел бы, чтобы государство в той или иной степени продолжало опекать прежние экономические уклады и формы социальной организации.

Другая важнейшая задача модернизации — демократизировать механизмы принятия решений. Примерно с середины 90-х годов процесс выработки решений оказался монополизирован-

ным несколькими политическими и экономическими кланами, которые использовали открывавшиеся в связи с этим возможности в первую очередь для удовлетворения своих корпоративных интересов. Эта система сохранилась и в период президентства Путина. Решения, принятые под влиянием корпоративных и групповых интересов, не способствуют успешному воплощению в жизнь общенациональных стратегий развития. Для этого требуется учитывать широкий спектр интересов, представленных в обществе. Однако демократизация механизмов принятия решений относится не только к выработке общегосударственной политики. Проблема значительно шире: фактически речь идет о «демократии участия», т. е. о вовлечении миллионов в процессы принятия и политических, и экономических решений не только на федеральном, но и на местном и муниципальном уровнях. Это должно быть нацелено на формирование эффективной системы социальной ответственности и общественного контроля за деятельностью властных институтов, без которых современное общество не в состоянии динамично развиваться.

В своих политических заявлениях лидеры страны признают необходимость такого рода мер. Но, с одной стороны, в структурной перестройке экономики¹¹ и в демократизации процессов принятия решений не заинтересованы элиты. Их устраивают нынешняя топливно-экспортная модель экономики страны и сформировавшиеся на ее фундаменте политические отношения. Но и власть, со своей стороны, проводя политику жесткой централизации управления, на практике обесценивает планы укрепления местного самоуправления как основы «демократии участия».

Возможно, Путин искренне верит, будто радикальные рыночные реформы, проводимые сверху административно-бюрократическими методами, позволят модернизировать страну. Проблема, однако, в том, что до сих пор авторитарные модернизации оказывались успешными лишь при переходе от аграрного общества к индустриальному (СССР, Южная Корея, Тайвань, в меньшей степени Таиланд и Индонезия, а в наши дни Китай). Залогом же успешных постиндустриальных модернизаций выступает творческая энергия и инициатива граждан¹². Очевидно, что российскую бюрократию, которой в период президентства Путина по ряду причин была отведена ключевая роль в процессе преобразований, никак нельзя признать субъектом модернизации. Максимум, на что она способна, — это на использование отдельных реформ

для укрепления своего положения в политической системе современной России.

В условиях глобализации успех любого модернизационного проекта во многом зависит от того, насколько задумавшая его страна «встроена» в общемировые процессы. Однако в начале XXI в. российские элиты пришли к выводу, что стране следует остаться «отдельно стоящей фигурой и самостоятельным игроком на международной арене»¹³. Это затрудняет политическую и социокультурную идентификацию России применительно к современным глобальным реалиям, а стало быть, и выбор оптимального пути развития.

Так что и в условиях путинской стабилизации модернизационная альтернатива не была в России востребована. Российские элиты предпочли иные приоритеты.

«УПРАВЛЯЕМАЯ ДЕМОКРАТИЯ»

Новая политическая система и ее возможные интерпретации

В 2000—2004 гг. по мере укрепления общественной стабильности политическая система России постепенно эволюционировала от модели, сложившейся к концу правления Ельцина ¹⁴, к новому устройству, при котором автономность политических акторов от государства резко ослабла. С точки зрения большинства российских авторов эти изменения привели к формированию нового политического режима. В литературе по отношению к нему стали применять такие термины, как «контролируемая», «делегируемая», «манипулируемая» и «управляемая» демократия ¹⁵. В этой связи сделаю два принципиальных замечания.

Во-первых, сама по себе дискуссия о терминах мало что дает для понимания сути интересующего нас феномена. Гораздо продуктивнее выявить критерии, позволяющие описать содержание новой системы. Думается, что для ее идентификации особенно важен фактор маргинализации независимых политических акторов, потеря ими влияния на центры принятия решений, превращение государства, особенно федеральной исполнительной власти, в главного субъекта российской политики, который самостоятельно, независимо от каких-либо других игроков, определяет ее повестку дня, устанавливает правила политических действий, монополизирует выработку, принятие и реализацию решений. Свертывание демократических основ политического порядка, сложившегося в 90-е годы, наблюдается в различных сферах. Так, институты исполнительной власти доминируют в такой степени, что она нарушает принцип разделения властей, разрушает основы федерализма, устанавливает государственный контроль над общенациональными телеканалами и использует различные средства давления на печать, ограничивая тем самым свободу слова. Сокращается пространство политической конкуренции,

уменьшается сфера применения института выборов, который к тому же властвующая элита систематически дискредитирует. Местное самоуправление, лишенное серьезной финансовой базы, оказывается на обочине большой политики. Судебная система постепенно снова становится придатком исполнительной власти¹⁶.

Эти процессы разворачиваются в условиях слабого политического участия граждан, утраты ими интереса к политике, что открывает широкие возможности для манипулирования общественным мнением в интересах тех, кто контролирует информационные ресурсы. Принципиально важно, что все эти изменения происходят в условиях формального сохранения демократических норм и процедур (альтернативные выборы, независимые от государства СМИ и политическая оппозиция продолжают существовать), однако сфера их действия и реальное влияние на процессы принятия решений заметно ограничиваются.

Во-вторых, по моему мнению, мы вправе говорить не о смене политического режима, а об эволюции всей политической системы России. Ведь изменились не только приемы, методы, применяемые властью, а природа политических отношений и принципы существования политической системы. Верхушечный плюрализм, состязательность акторов и относительная открытость политической системы, характерные для 1990-х годов, уступили место бюрократическому регулированию, изоляции политических институтов от общества. Автономность субъектов политики сменило централизованное управление политическим процессом из администрации президента. Поэтому, на мой взгляд, хотя при анализе современных тенденций в отечественной политике вполне допустимо использование таких понятий, как «управляемая демократия» и других близких ему по содержанию терминов, но для описания формирующейся в России модели подходят и категории, обычно применяемые для характеристики закрытых или полузакрытых политических систем. Именно ими (со ссылкой на признанные политической наукой типологии) я и буду далее пользоваться в этой работе — после того как проанализирую эволюцию, проделанную российской политической системой за последние годы.

Каким образом возникла «управляемая демократия»

Новая политическая система складывалась по мере ослабления и сокращения числа автономных от государства политических акторов (региональные лидеры, политические партии, СМИ, олигархические кланы) и их вытеснения из процессов принятия решений. При Ельцине государственная власть не посягала на автономию этих субъектов политики. Президент и независимые политические акторы (за исключением КПРФ и в какой-то мере «Яблока») строили свои взаимоотношения на основе своеобразного договора. В обмен на гарантии соблюдения их автономности независимые субъекты политики соглашались участвовать в разного рода политических мобилизациях, которые проводила президентская власть. Региональным лидерам и «олигархам» помимо гарантий автономии она предоставляла также широкие возможности укреплять свой статус и наращивать ресурсы. Благодаря этому первые существенно расширили властные полномочия и укрепили ресурсную базу власти на местах, а вторые получили дополнительные преференции в бизнесе и каналы влияния на целые сегменты государственного аппарата. Наиболее масштабной мобилизацией стали выборы главы государства в 1996 г. Именно консолидированная поддержка, оказанная Ельцину этими двумя группами элиты, сыграла решающую роль в его переизбрании.

Президентство Путина ознаменовалось наступлением исполнительной власти на независимых акторов. После реформы Совета Федерации региональные лидеры, лишившиеся мест в верхней палате российского парламента, уже не могли, как прежде, влиять на принятие решений в федеральном Центре. Реформа бюджетных отношений ощутимо сократила финансовую базу власти на местах. В результате к общенациональному избирательному циклу 2003—2004 гг. губернаторы утратили прежнюю самостоятельность в сфере федеральной политики и фактически оказались «встроенными» в так называемую вертикаль президентской власти. Эта конструкция была оформлена юридически в конце 2004 г., когда по предложению Путина прежнюю прямую выборность глав субъектов Федерации населением сменили их выборы законодательными собраниями регионов по представлению президента России.

Президентская власть постепенно установила контроль и над общенациональным телевидением, играющим важнейшую роль в формировании политических предпочтений населения, особенно в предвыборные периоды. Переломным в этом отношении стал конфликт вокруг компании НТВ, принадлежавшей опальному телемагнату Владимиру Гусинскому. В 2001 г. НТВ было изъято у прежнего собственника и передано новому владельцу — близкому к государственной власти концерну «Газпром». Попытки олигархических кругов сохранить независимое от государства общенациональное новостное телевидение не увенчались успехом. Созданная консорциумом нескольких крупнейших корпораций телекомпания ТВ-6 вскоре после начала вещания была судебным решением закрыта, а сменивший ее канал ТВС прекратил работу в результате искусно подогревавшегося властью конфликта между учредителями. Государственные же телеканалы ОРТ и РТР (а затем и «обновленное» НТВ) постепенно поставили свою информационную политику на службу пропагандистским целям власти. Печатные СМИ, хотя и избежали прямого государственного контроля, не смогли в новых условиях сохранить широкого влияния на общественное мнение и остались средством информации для элит. Правда, в 2004 году наметилась тенденция к переделу этого рынка, в результате чего известные своей оппозиционностью издания могут перейти под контроль собственников, тесно связанных с государственной властью. В политических кругах активно обсуждается и возможность появления нового закона о СМИ, который заметно урежет самостоятельность журналистских коллективов и установит ограничения и на деятельность интернет-ресурсов. В ходе этой дискуссии прозвучали и предложения о частичном восстановлении цензуры и лицензировании журналистской деятельности¹⁷. Очевидно, что принятие подобных предложений позволит государству контролировать всю прессу.

Партии утратили способность влиять на политический процесс в результате последних думских выборов (декабрь 2003 г.). Поражение на них потерпели как раз те партии, которые по своей природе являются гражданскими, т. е. опираются на инициативы снизу — КПРФ, Союз правых сил и «Яблоко». Только коммунисты получили представительство в Государственной думе, но небольшая численность их фракции не позволяет ей влиять на

парламентские решения. Напротив, крупного успеха добились «административные» партии, созданные или при непосредственном участии государственной власти («Единая Россия» и начавший трансформироваться в партию избирательный блок «Родина»), либо тесно координирующие с ней свою политику (ЛДПР). Наибольшее значение для формирования системы «управляемой демократии» имел успех «Единой России», сформировавшей в Думе конституционное большинство. Из всех предыдущих попыток создать «партию власти» только лишь этот проект по широте охвата различных групп федеральной и региональной элит реально приобрел всеобъемлющий, общенациональный характер. К участию в нем либо в форме членства в этой партии, либо ее спонсирования были привлечены практически все группы российского правящего слоя — высшие федеральные чиновники, губернаторы, лидеры небольших прокремлевских партий, корпорации и банки общенационального и местного уровня. По общепринятым меркам «Единая Россия» не подходит под понятие политической партии. Это скорее жестко централизованная и управляемая из единого центра «группа поддержки». Ее задача — обеспечить успешное прохождение инициатив исполнительной власти через легислатуру на всех уровнях. Однако даже в таком виде она оказалась весьма действенным инструментом контроля за политическим поведением различных групп элиты, особенно губернаторов.

Во второй половине 2004 г. по инициативе президента Путина был законодательно оформлен и переход к новой системе выборов депутатов Государственной думы, которые отныне будут проходить только по партийным спискам (позднее, судя по всему, аналогичная реформа ожидает и выборы в региональные парламенты). Официально смысл этого перехода заключается в укреплении многопартийной системы. Однако на деле реформа преследует другие цели. Намечая эти преобразования, властвующая элита стремится закрепить преобладание пропрезидентских партий в органах представительной власти на всех уровнях. Высокий семипроцентный барьер позволит прежде всего «партии власти» заметно увеличивать свое представительство в парламенте за счет дележа голосов партий, не прошедших в Думу. Центр получит также возможность при помощи «партийно-парламентской» вертикали ограничить власть губернаторов. При необходимости же президент сможет использовать ее как противовес влиянию

кремлевской бюрократии. В целом реформа партийной системы откроет перед главой государства новые возможности расширить институциональную опору его власти.

Наконец, утратили политическую автономию, пожалуй, и самые влиятельные акторы российской политики — олигархические кланы. Строго говоря, потеря ими влияния была предопределена еще заключением в 2000 г. неформального соглашения с президентом, которое установило новые правила политического поведения «олигархов». Президентская власть обещала не вмешиваться в их бизнес при условии, что они, со своей стороны, воздержатся от попыток влиять на принятие политических решений. Те, кто отверг эти правила игры, в конечном счете либо были вынуждены эмигрировать (Борис Березовский, Владимир Гусинский), либо оказались под следствием (Михаил Ходорковский). «Выдавливание» этих «олигархов» из политики и бизнеса не вызвало заметного сопротивления со стороны верхушки российского бизнес-сообщества. Однако «дело Ходорковского» стало переломным моментом в ее взаимоотношениях с властью. По мере того, как конфликт с Ходорковским перерастал в борьбу государства против ЮКОСа, «олигархи» утратили остатки способности самостоятельно действовать в политике, например, решать вопрос о финансировании тех или иных партий.

Одной из институциональных основ «управляемой демократии» стало создание централизованной системы контроля за выборами. Это произошло в результате консолидации и одновременного использования властвующей элитой административного, финансового и информационного ресурсов в ходе избирательных кампаний, что ставило кандидатов, поддержанных правящими кругами, в несравненно более выгодное положение, чем их конкурентов. Создав «вертикаль» избирательных комиссий, исполнительная власть получила возможность через Центризбирком влиять на позицию региональных избиркомов во время не только общенациональных, но и местных выборов.

Движение в сторону «управляемой демократии» не стало результатом случайного совпадения различных факторов. Ее возникновение было обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, строительство новой системы, по крайней мере на начальном этапе этого процесса, отвечало устремлениям значительной части политической, деловой и бюрократической элиты страны. Политические элиты к концу 1990-х годов превратились

в замкнутую корпорацию, доступ свежих сил в которую к тому времени практически прекратился. Стабильные, институционально оформленные каналы ротации политической элиты так и не были созданы. Не случайно поэтому, что партийно-политический истеблишмент, представленный верхушкой крупных партий со стабильным парламентским представительством, поначалу увидел в предложенном исполнительной властью законопроекте о политических партиях (2000 г.) своего рода правовую гарантию его сохранения во власти и защиты от конкуренции со стороны новых, только формирующихся объединений партийного типа.

Российские бизнес-элиты, как уже отмечалось, сформировались при активном участии государства, которое надежно защищало их интересы от конкуренции со стороны крупных транснациональных корпораций и среднего российского бизнеса. Поэтому они были заинтересованы в такой политической системе, которая позволила бы им сохранить привычные условия деятельности на долгосрочный период.

Оправившись от шока, пережитого на начальном этапе радикальных рыночных реформ, бюрократические элиты постепенно пришли в себя и, воспользовавшись тем, что государство продолжало играть важнейшую роль в распределении финансово-экономических ресурсов, восстановили былое влияние. Шаг за шагом бюрократическая элита оформлялась в закрытую корпорацию («мандаринат»). Ее привилегии и неконкурентная основа формирования были закреплены в законах «О системе государственной службы Российской Федерации» и «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (2003 и 2004 гг.)¹⁸. В условиях «суперпрезидентской» республики, где партии не участвуют в формировании исполнительной власти, политическая элита стала формироваться преимущественно из бюрократической.

В специфической обстановке середины 1990-х российскому истеблишменту не приходилось подтверждать свои претензии на лидирующие позиции в обществе в ходе жесткой состязательности с другими социальными, экономическими и политическими акторами. Поэтому он привык считать, что наилучший способ сохранить свое господство в политике, государственном аппарате и бизнесе — это ограничить конкуренцию в различных сферах общественной жизни. Это позволяет утверждать, что, стремясь максимально затянуть переход от коммунистической системы к рыночной и закрепить свое доминирующее положение и приви-

легии, российские элиты вели себя как типичные «трансферклассы». Политика административного регулирования политических и социальных процессов, разворачивавшаяся шаг за шагом в направлении строительства «управляемой демократии», в целом совпадала с установками большей части постсоветских элит, с их стратегическими интересами — как они их понимали.

Во-вторых, формированию новой системы способствовала и склонность Путина к административно-бюрократическим методам управления обществом. Отчасти это, по-видимому, проистекало из специфического понимания задачи стабилизации социально-политической ситуации в России, остро стоявшей в первые годы его президентства. Решение этой задачи Путин видел главным образом в повышении управляемости всеми социальными процессами и в их «упорядочении». К этому, возможно, добавлялись и некоторые личные особенности Путина как политического деятеля. Он с недоверием относился к публичной политике, болезненно реагировал на любые попытки конкурировать с ним. Так, по-видимому, он посчитал «олигархическую» фронду Гусинского, Березовского и Ходорковского серьезной претензией на часть его властных полномочий. Склонность к административному регулированию порождала у президента стремление сузить сферы конкуренции в политике и в массовых коммуникациях, с одной стороны, и усилить бюрократическое воздействие на политический процесс — с другой.

В-третьих, «управляемая демократия» не могла бы возникнуть лишь как результат верхушечного проекта, без широкой поддержки снизу. На это уже обращали внимание многие отечественные и зарубежные исследователи¹⁹. К концу 1990-х годов из-за неудач социально-экономических реформ значительная часть россиян разочаровалась в демократических ценностях и потому восприняла возврат к традиционным авторитарным методам руководства как самый надежный способ решения наболевших проблем — наведения в обществе «порядка» и установления большей социальной справедливости. Возврат к административно-бюрократическим методам управления совпал по времени с постепенным улучшением социально-экономического положения в стране, которое было обусловлено в первую очередь результатом резкого роста мировых цен на нефть и влиянием девальвации рубля. Однако общественное мнение нередко видело в экономической нормализации результат возвращения от прежней «демократической» политики к традиционным политиче-

ским методам руководства. Под влиянием этой перемены широкие социальные слои фактически перестали участвовать в политической жизни и делегировали решение важнейших проблем президенту²⁰. Фактически между властью и обществом был заключен новый договор: стабильность и политика повышения благосостояния в обмен на отказ от соблюдения важнейших демократических принципов и от активного участия в политике. Этими изменениями объясняется тот факт, что общественное мнение никак не отреагировало ни на использование властями всех уровней административного ресурса во время выборов, ни на закрытие независимых от государства телеканалов, отлучение оппозиции от общенационального телевидения и другие нарушения демократических норм и процедур.

Особенности политического режима Путина

Примечательно, что все описанные сдвиги произошли без изменения действующей Конституции 1993 г. и при сохранении прежних политических институтов. При этом существенно изменилась не только политическая система, но и политический режим. Так, при Ельцине существенную роль при подготовке и принятии решений играли различные неформальные центры власти. Строго говоря, так называемая «семья» первого президента России, ныне известная как один из наиболее влиятельных политических и финансовых кланов страны, поначалу возникла в качестве неформального центра влияния, образовавшегося первоначально вокруг младшей дочери Ельцина Татьяны. Различные группы интересов, лоббируя выгодные им решения президентской власти, стремились использовать подобные каналы или, если удастся, проложить собственные.

Еще одна характерная особенность процесса принятия решений при Ельцине состояла в том, что он нередко издавал важные указы и распоряжения, в том числе и кадровые, основываясь на информации, полученной из СМИ. Именно поэтому 1990-е годы массмедиа превратились в один из важнейших инструментов влияния и значимого (хотя, как правило, зависимого от «олигархов») участника процесса принятия решений.

Значение неформальных центров влияния в первые годы президентства Путина заметно снизилось. Их постепенно стали вытеснять официальные институты. Особенно в этой связи выросла

роль институтов судебной власти. Именно в суды было перенесено разрешение многих конфликтов по хозяйственным делам. С точки зрения общепринятых демократических стандартов это было, безусловно, позитивное изменение; оно отражало институциональное укрепление политической системы России. Однако при общей слабости права как регулятора общественных отношений контроль над судебной властью монополизировала одна из групп элиты («питерские силовики» или «чекисты»). В итоге эта ветвь власти стала мощным ресурсом в борьбе элит за перераспределение собственности и влияния на принятие решений, а суды стали широко использоваться в качестве инструмента, позволяющего подавлять активность конкурентов.

Во второй половине 2003 — 2004 г. по мере нарастания противоречий внутри «питерской команды» президента, монополизировавшей к этому времени основные механизмы принятия решений, роль неформальных центров власти стала снова усиливаться. Отчасти это объяснялось ростом недоверия главы государства к окружающим его чиновникам, а отчасти тем, что по мере сужения сферы публичной политики процесс принятия решений становился все более закрытым.

Поскольку централизация усиливалась, эти изменения привели к возникновению системы «ручного управления», при котором глава государства управляет не столько через институты, сколько через доверенных лиц. Первым элементом этой системы, учрежденным еще в мае 2000 г., стал институт полномочных представителей президента в федеральных округах. Однако саму систему Путин начал создавать гораздо позднее, на исходе первого срока своего пребывания на посту президента. Именно тогда стали набирать силу неформальные центры власти. Со временем, однако, стало очевидно, что они заняты главным образом удовлетворением собственных групповых интересов, которые могут порой идти вразрез с интересами президента (так не раз случалось в «деле ЮКОСа»). Тогда Путин вновь вернулся к политике укрепления институциональной составляющей своей власти, сделав шаги к интеграции губернаторов в «президентскую вертикаль» и внося изменения в партийную систему. В рамках этой линии нельзя исключать и создания новых институтов, призванных расширить институциональную опору президентской власти.

Сравнение политических стилей нынешнего президента и его предшественника позволяет обнаружить и еще одно важное из-

менение политического режима. Принимая во внимание слабость политических институтов и фрагментированность государства, Ельцин предпочитал управлять страной через конфликты внутри элиты, которые сам же часто инициировал. В новой ситуации, когда возобладала тенденция к консолидации власти и элиты, Путин, напротив, — по крайней мере, в первые годы своего президентства — старался избегать конфликтов и делать шаги, не вызывающие возражений наиболее влиятельной части истеблишмента. Правда, в отличие от Ельцина он не испытывал особой тяги к принятию решений и в конфликтных ситуациях нередко перепоручал их другим институтам и чиновникам или же предлагал противоборствующим сторонам договориться самим. А поскольку политическая система «суперпрезидентской» республики, сложившаяся в России на основе Конституции 1993 г., предполагала, что глава государства выступает верховным арбитром в спорах отдельных групп элиты, такая позиция Путина нередко порождала на практике конфликты там, где их вполне можно было избежать. Однако в целом эта особенность политического стиля нового президента не поколебала тенденции к консолидации власти и элиты. Сформировавшаяся вокруг Путина правящая группа использовала новые условия для создания институциональной основы системы «управляемой демократии».

Третья особенность эволюции политического режима при Путине состояла в том, что до лета 2003 г. президент не возражал против постепенного укрепления кабинета министров как автономного центра власти. Тогдашний глава правительства Михаил Касьянов даже позволял себе публично не соглашаться с президентом²¹. Во времена правления Ельцина подобные дебаты между премьером и президентом были просто невозможны. При Путине же фактически начало складываться новое разделение функций между главой государства и премьер-министром. Президент все больше сосредоточивал свое внимание на проблемах безопасности, внешней и оборонной политики, а правительство — по преимуществу на социально-экономической политике, приобретая возрастающую автономию в этой сфере. В сравнении с опытом правления Ельцина складывавшаяся властная конфигурация казалась противоречащей самой логике принятия и исполнения решений в «суперпрезидентской» республике. С конституционно-правовой точки зрения эта система моноцентрична²². Однако поскольку по Конституции 1993 г. президент сосредоточивает в

своих руках огромные полномочия и в то же время фактически не несет политической ответственности, на практике глава государства, чтобы политическая система функционировала нормально, часто делегирует эту ответственность другим институтам, прежде всего правительству. Если оно работает эффективно, то рано или поздно начинает превращаться в параллельный Кремлю центр власти, подрывая заложенный в Конституции моноцентризм власти. Ельцин решал это противоречие просто: отправлял в отставку слишком сильное правительство и назначал более слабое, зависимое от Кремля. Таким образом в марте 1998 г. был отправлен в отставку кабинет Виктора Черномырдина, а на его место назначено слабое правительство Сергея Кириенко, при котором несколько месяцев спустя случился августовский дефолт. В мае 1999 г. Ельцин уволил пользовавшееся широкой общественной поддержкой правительство Евгения Примакова, назначив вместо него слабый и зависимый от Кремля кабинет Сергея Степашина, который в условиях резко обострившейся борьбы за власть между несколькими группами элиты просуществовал менее трех месяцев.

В новых по своему характеру отношениях Путина с влиятельным правительством Касьянова многие наблюдатели увидели первые признаки эволюции «суперпрезидентства» к смешанной президентско-парламентской системе. Объективно это могло бы способствовать формированию более гибких механизмов принятия решений, уменьшающих возможности для монополизации этого процесса отдельными группами элиты. Подобный сценарий поддерживало и руководство ЮКОСа, разработавшее специальные предложения на этот счет. Поначалу против них не возражал и президент. По крайней мере в ежегодном послании Федеральному собранию в мае 2003 г. глава государства заявил, что идея создания правительства парламентского большинства требует серьезного обсуждения²³. Однако новое поколение политической элиты, пришедшее во власть вместе с Путиным, стремилось монополизировать свое влияние на президента и опасалось превращения политической системы в смешанную республику. Не будучи конкурентоспособной в плюралистической среде, она рассчитывала двигаться к поставленным целям, используя каналы влияния, процедуры и механизмы принятия решений, сложившиеся в условиях «суперпрезидентства». В конечном итоге Путин согласился с аргументами той части элиты, которая утверж-

дала, будто формирование правительства парламентского большинства будет де-факто способствовать переходу власти в руки «олигархов», контролирующих это большинство в Думе, и ограничению политической роли и влияния президента. В итоге глава государства вернулся к характерной для «суперпрезидентской» системы логике действий. Такой поворот в эволюции политического режима снял большинство ограничений на пути формирования «управляемой демократии». Впрочем, во второй половине 2004 г. российские верхи снова попытались запустить сценарий постепенного перехода к смешанной республике. Интерес к этому проекту возродился, вероятно, по нескольким причинам. Часть президентского окружения, заинтересованная в том, чтобы Путин остался у власти и после истечения второго срока его президентства, сочла данный вариант наиболее реалистичным. К тому же он не требует изменения действующей Конституции. Группы же, близкие к «старокремлевским» кланам, судя по всему, опасались установления гегемонии «питерских силовиков» в случае сохранения «суперпрезидентства». В переходе к президентски-парламентской республике они увидели шанс сохранить свои позиции во властных структурах.

И те, и другие намерены использовать в своих интересах планы главы государства укрепить многопартийную систему. В рамках этой стратегии уже были приняты важные меры: объявлено о переходе к пропорциональной избирательной системе, одобрены поправки в закон «О правительстве», разрешающие высшим государственным чиновникам — вплоть до федеральных министров — занимать руководящие посты в политических партиях. Эти шаги создают предпосылки для складывания нормативно-правовой базы, необходимой для того, чтобы думское большинство формировало по итогам думских выборов кабинет министров, ответственный перед парламентом.

Рассмотренные выше изменения политического режима были неоднозначными, а иногда и противоречивыми, но в целом работали на складывание системы «управляемой демократии». Немалую роль в этом процессе сыграло и начавшееся под конец первого президентства Путина кардинальное изменение балансов сил в российских элитах в пользу выходцев из С.-Петербурга. В результате этого система «управляемой демократии» стала более завершенной и оформленной. Во-первых, она избавлялась от некоторых элементов плюрализма, еще присутствовавших в ней

на ранних этапах становления: например, крупные корпорации могли свободно выбирать, какую партию они намерены финансировать, оставались независимые печатные СМИ, критикующие власть. Во-вторых, поскольку эта система постепенно превращалась в административную машину, руководящие позиции в ней заняли бюрократические элиты, по-своему видевшие политику и проблемы, стоящих перед страной. Именно поэтому многие специалисты обратили внимание на то, что при Путине эти элиты стали оказывать решающее воздействие на большую политику и доминировать над политической и деловой элитой ²⁴.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ как особый путь развития страны

Очевидные тенденции

Процессы, происходящие в политической, экономической и социальной жизни страны после выборов 2003—2004 гг., дали аналитикам немало поводов рассуждать о том, что в России начала складываться новая общественная модель²⁵. По-видимому, не случайно в академической литературе и комментариях прессы для обозначения этих процессов все чаще стал использоваться термин «государственный капитализм»²⁶. И хотя сегодня было бы преждевременно говорить о российском госкапитализме как о сложившейся новой реальности, изменения, приковывающие к себе внимание наблюдателей, отчетливо свидетельствуют о стремлении государства повсеместно усилить свою регулируемую роль и распространить контроль на всё новые общественной жизни. Показателем этих изменений становится повсеместное сокращение пространства для конкуренции и возможностей для выбора у акторов в сферах политики, бизнеса и частных лиц. Так что сейчас корректнее говорить лишь о тенденциях, указывающих на перспективу дальнейшего движения страны по пути формирования государственного капитализма. В чем они проявляются?

В экономике государство все настойчивее стремится вернуть себе лидерство в ключевых отраслях — нефтяной и газовой промышленности, электроэнергетике, оборонной промышленности, а также в банковском секторе. Эта линия нашла отражение в политических решениях высшего руководства страны. Так, 6 августа 2004 г. президент Российской Федерации утвердил своим указом перечень стратегических предприятий и акционерных обществ, где доля государства в акционерном капитале не должна падать ниже 25%. К их числу относятся крупнейший российский концерн «Газпром», известные военно-промышленные компании

«Сухой» и авиакомплекс им. С. В. Ильюшина, РАО «Российские железные дороги», телекоммуникационный холдинг «Связьинвест», Внешторгбанк и ведущие авиакомпании «Аэрофлот» и «Красноярские авиалинии». Поскольку вопросы приватизации этих компаний будут отныне находиться под строгим контролем президента, можно уверенно предположить: если государственные пакеты акций в этих компаниях и будут проданы, то наибольший шанс приобрести их получат корпорации, близкие к власти.

Государство, как известно, увеличило долю акционерного капитала в крупнейшем концерне «Газпром», который расширяет свое участие в акционировании компаний и предприятий электроэнергетики, входящих в энергетический холдинг РАО «ЕЭС России». Экспансия «Газпрома» распространяется и на нефтяную отрасль. Газовый монополист уже начал процесс установления контроля над государственной нефтяной компанией «Роснефть», которая, по мнению многих специалистов, будет иметь наилучшие шансы при разделе имущества ЮКОСа завладеть принадлежащими ему наиболее прибыльными предприятиями. В этом случае «Газпром» превратится в крупнейшую корпорацию и в нефтяной отрасли, а государство станет доминирующим игроком, которому под силу заметно ослабить влияния частных нефтяных компаний на экономическую политику страны. На укрепление ведущих позиций государства в добывающих отраслях экономики нацелены и разрабатываемые ныне в Министерстве природных ресурсов России поправки к закону «О недрах». Эти поправки рассчитаны на то, чтобы узаконить проведение «закрытых аукционов» по предоставлению права на разработку месторождений полезных ископаемых. Разработчики поправок уточняют, что нововведение коснется только месторождений, имеющих стратегическое значение для экономики и безопасности страны. Свои предложения они мотивируют необходимостью ограничить доступ к таким месторождениям. Однако вполне возможно, что список этих месторождений может оказаться длинным. И если поправки примут, односторонние преимущества в доступе к «стратегическим» месторождениям получат корпорации, тесно связанные с государственной властью.

В банковской сфере тоже усиливаются позиции банков, полностью или частично принадлежащих государству. Центральный банк России стремится сократить число частных коммерческих банков, а кризисные явления²⁷, наблюдавшиеся в этом секторе

летом 2004-го, объективно способствовали укреплению позиций госбанков. В частности, результатом летнего кризиса стал крах нескольких известных коммерческих банков; одновременно заметно выросло влияние Сбербанка и Внешторгбанка. Последний при прямом содействии Центрального банка поглотил оказавшийся на пороге разорения некогда мощный «Гута-банк», обладавший разветвленной сетью филиалов и десятками тысяч вкладчиков. Эти события в немалой степени способствовали тому, что население стало связывать сохранение сбережений в первую очередь с госбанками. Иными словами, действия власти по вытеснению многих частных банков с рынка банковских услуг могут рассчитывать на поддержку общественного мнения. Так, по данным ВЦИОМ (июльский опрос 2004 г.), только 2% граждан готовы хранить свои сбережения в частных банках, в то время как 27% считали самым надежным их размещение на счетах в Сбербанке²⁸. Правительство, судя по всему, намерено и впредь проводить линию на закрепление лидирующих позиций госбанков, тщательно защищая их от конкуренции со стороны ведущих западных банков. Представители правительства не раз заявляли, что намерены и впредь сохранять ограничения для деятельности последних на российском рынке. Им, судя по всему, так и не разрешат открывать филиалы в России. Их присутствие ограничится учреждением «дочек».

Усиление регулирующих и контрольных функций государства стало возрастать и в сфере *социальной политики и социальных отношений*. Министерство образования и науки наметило существенно сократить число высших учебных заведений — прежде всего за счет частных вузов, не привлекающих средства из государственного бюджета. Официально эта мера объяснялась необходимостью повысить качество образования и сократить число выпускников, в которых не нуждается народное хозяйство. Однако на деле главная цель начатой кампании состояла в том, чтобы уменьшить число лиц, имеющих право на отсрочку от призыва в армию и увеличить призывной контингент российских Вооруженных сил. Впрочем, позднее появилось более радикальное предложение Министерства обороны — о ликвидации отсрочки для студентов как таковой. Если оно будет одобрено парламентом, то усилия Министерства образования и науки окажутся излишними. Не исключено также, что правительство стремится оптимизировать количественный состав специалистов, работающих в народ-

ном хозяйстве, точно сведя его к уровню, определяемому потребностями экспортно-сырьевой модели экономики.

Вместе с тем государство, заботящееся о постоянном усилении своей военной мощи, хотело бы сохранить кадры высокопрофессиональных ученых и инженеров, необходимые военно-промышленному комплексу. Поэтому государственные органы понимают, что необходимо приостановить эмиграцию ученых из России, однако не в состоянии предложить им достойные условия жизни и работы на родине. Не исключено, что процессы над учеными, осужденными в последние годы за продажу государственных секретов за рубеж (Игорь Сутягин, Валентин Данилов), помимо прочего должны были предупредить научное сообщество о нежелательности попыток улучшить свое материальное положение путем сотрудничества с зарубежными фирмами.

Государство активизировалось и в той сфере, где обычно доминируют организации, представляющие гражданское общество. Еще в начале первого президентского срока Путина близкие к Кремлю политтехнологи выдвинули новую идею: поскольку традиции и институты гражданского общества в России слабы, государству следует взять на себя заботу о его развитии и укреплении. Однако в практическом плане эта проблематика привлекла внимание Кремля позднее. В мае 2004 г. Путин в своем ежегодном послании Федеральному собранию подверг критике деятельность многих гражданских союзов и объединений за то, что они, по его словам, существуя на средства частных спонсоров, в том числе зарубежных, занимаются отстаиванием коммерческих и групповых интересов, игнорируя при этом острейшие проблемы страны и ее граждан²⁹. Теперь правительство намерено перерегистрировать благотворительные организации и лишить официального статуса те из них, деятельность которых, по мнению чиновников, не соответствует общественным потребностям. Этим организациям придется платить настолько высокие налоги, что занятия благотворительностью станет для них непосильным делом³⁰.

Появились признаки того, что государственное регулирование может коснуться организации курортного отдыха российских граждан, которая с 1990-х годов стала восприниматься в обществе как частное дело. В июле 2004-го даже состоялось специальное заседание Государственного совета, посвященное развитию отечественных курортов, на котором губернатор Краснодарского края Александр Ткачев фактически призвал федеральную власть

принять меры к ограничению конкуренции со стороны таких государств, как Турция и Тунис. Показательно, что интерес власти к увеличению потока россиян, отдыхающих на отечественных курортах, усилился именно тогда, когда в мае — июне 2004 г. были реформированы московские ОВИРы³¹ и оформление заграничных паспортов было передано районным паспортным столам. В результате многие москвичи не смогли вовремя оформить паспорта, и число россиян, которые в этот сезон провели свой отпуск за границей, сократилось на 20%. По-видимому, не без участия государства они пополнили бюджеты российских курортов.

Конечно, этот беглый обзор изменений в разных сферах экономической и социальной жизни не позволяет сформулировать целостные представления о формирующейся модели российского государственного капитализма и механизмах ее функционирования. Справедливее говорить об отдельных элементах, тенденциях, которые, даже подчас оставаясь изолированными, все же имеют общую направленность.

Причины и политические последствия

Вполне логично поставить вопрос о причинах и факторах, которые вызвали движение страны по пути государственного капитализма. Его можно сформулировать и по-иному: является ли это продвижение неизбежным этапом посткоммунистического развития России или же результатом ситуационного стечения обстоятельств? Конечно, на протяжении всего периода транзита в России существовали экономические предпосылки для формирования госкапитализма. За эти годы возросли мощь и влияние естественных монополий на политику и экономику страны, сказались и сильные традиции государственного регулирования, сохранившиеся в политической практике и в период рыночных реформ. Однако движение России к госкапитализму обусловили и изменения в составе властвующей элиты после 2000 г. При Путине руководящие позиции в государственном аппарате заняла новая генерация провинциальной по своему происхождению элиты, которая в 1990-е годы не смогла достичь заметных успехов в политике и бизнесе, не продвинулась сколько-нибудь заметно по чиновничьей лестнице. В годы первого президентства Путина, когда главным приоритетом для власти было достижение

и поддержание общественно-политической стабильности (в том числе в «верхах»), эта генерация, представленная в основном выходцами из С.-Петербурга, так и не добилась доминирующего положения в важнейших центрах принятия политических решений, ключевых постов в руководстве ведущих корпораций страны. Среди «петербуржцев» заметную долю составляли действующие и отставные офицеры спецслужб и армии. По оценкам социолога Ольги Крыштановской, к лету 2004 г. доля бывших и действующих «силовиков» в политической элите страны составляла 77% ³². Обладая определенным воспитанием и менталитетом, основанном на идее служения государству как высшей ценности, они с недоверием относились к общественной модели, построенной на принципе открытой соревновательности субъектов экономического и политического рынка. К тому же не совсем удачный опыт собственной деятельности в условиях плюрализма 1990-х годов, безуспешные попытки радикально изменить баланс сил в верхах в годы первого президентства Путина, безрезультатные усилия, опираясь на близкие к «силовикам» промышленно-финансовые группы (например, «Межпромбанк»), потеснить частные корпорации, возникшие Ельцине, — все это заставляло «питерских чекистов» искать иные пути к господству в политической и деловой жизни страны. По-видимому, они сформулировали некую стратегию создания новой общественной системы, в которой государство через принадлежащие ему или близкие к власти компании сможет контролировать ключевые отрасли экономики, а возможность политического оппонирования будет существенно затруднена с помощью разного рода официальных и неформальных ограничителей. По мере того как баланс сил в верхах менялся в пользу новой «петербургской» элиты, старания «силовиков» сформировать такую модель стали более решительными и настойчивыми. Однако одного лишь наличия в верхних эшелонах власти политической группы, заинтересованной в движении страны по пути государственного капитализма, было бы явно недостаточно. Необходимы были институты и политическая система, которые можно было бы использовать как инструмент общественных изменений. Важным условием и одновременно средством реализации подобных целей стала система «управляемой демократии» с ее механизмами административно-бюрократического регулирования, позволяющими быстро и эффективно бороться против конкурентов в политике и бизнесе. Сочетание двух факторов —

появления внутри властвующей элиты влиятельной политической группы, заинтересованной в том, чтобы в России утвердилась новая общественная модель, и наличия политического инструмента, позволяющего создать «управляемую демократию», — и стало причиной заметного сдвига к госкапитализму.

Представления «силовиков» о модели, которую они хотели бы иметь «на выходе», судя по всему, в какой-то мере восходят к различным политическим теориям российских «государственников», но в основном — к осмыслению практики сословно-представительного правления в Российской империи и господства коммунистического меньшинства в СССР. Согласно этим представлениям государство как выразитель идеи «общего блага», средоточие высших ценностей народа и его политической воли должно жестко контролировать важнейшие сферы экономической, политической, социальной и культурной жизни страны. Государству следует поручить удовлетворение общенациональных интересов, сформулированных на основе понимания идеи «общего блага» лидерами страны, привилегированным социальным группам. Разумеется, статус и положение этих групп нужно будет защищать при помощи различных привилегий и неформальных механизмов сдерживания от конкуренции со стороны других социальных слоев и групп. Своими корнями подобные представления восходят к истории царствования Ивана Грозного, разделившему в 1565—1572 гг. территорию страны на опричнину и земщину. Первая, по мнению царя, должна была стать инструментом его политики, выразителем всего лучшего, что существовало в тот момент в России, а вторая из-за порочности и неспособности вести достойный образ жизни заслуживала только роли простого объекта управления. Правда, устойчивой системы, основанной на таком разделении, Иван IV не создал. Опричнина выродилась в бесконечное насилие над населением, проживавшим на непривилегированной территории земщины, что привело хозяйство страны к полному разорению и вынудило царя упразднить обанкротившуюся систему.

Тем не менее примененные им методы правители России позднее не раз использовали для построения общественных систем, основанных на жестком разделении властвующей элиты и управляемого большинства. В период реформ Петра Великого, например, в роли выразителя общенациональных интересов выступало европеизированное меньшинство, которое грубым принуждением

заставляло основную часть населения, жившую традиционными представлениями, воплощать в жизнь задуманные царем преобразования. В советскую эпоху государством безраздельно правила коммунистическая партийно-хозяйственная номенклатура, которая тоже обосновывала свое господство тем, что именно она разработала и реализовывала проект построения «идеального» общества в СССР.

В соответствии с представлениями российских «государственников» частная собственность должна работать на «общее благо», воплощенное в государстве, да и право обладания ею следует предоставлять за заслуги перед государством. Примечательно, что, судя по материалам отечественной прессы, такого рода представления довольно широко распространены среди работников «силовых структур»³³. Эти идеи влияют и на современную российскую политику, когда, например, начинают всерьез обсуждаться возможности перераспределить лицензии на эксплуатацию месторождений полезных ископаемых в пользу компаний, работающих на «государственные» цели. При этом предлагают конкретные меры, позволяющие усилить госкомпании в противовес частным³⁴.

В политическом отношении становление государственного капитализма в России будет скорее всего сопровождаться серьезными изменениями в системе «управляемой демократии». Конкуренция внутри элит начнет постепенно затухать. В конечном счете ее может заменить монополия («гегемония») наиболее могущественной группы. «Ельцинскую» генерацию элиты, видимо, окончательно отстранят от контроля над наиболее прибыльными секторами экономики и от участия в принятии политических решений. Признаки этих перемен отчетливо обнаружили уже в конце первого — начале второго президентства Путина. Так, в этот период для многих представителей крупного бизнеса и региональных элит политическая лояльность президенту, которой было вполне достаточно в начале пребывания Путина у власти, стала терять былое значение как гарантия сохранения достигнутых позиций. Если к их губернаторским постам и бизнесу проявляли интерес новые группы элиты, близкие к власти, то на их обладателей с разных сторон начинали оказывать давление властные структуры и прежде всего правоохранительные органы (примеры — бывший губернатор Саратовской области Дмитрий Аяцков и губернатор Хабаровского края Виктор Ишаев, совладелец «Альфа-групп» Виктор Век-

сельберг, ряд региональных нефтяных компаний). Поэтому можно предположить, что в дальнейшем конфигурация властной элиты сильно изменится. Если поначалу «управляемая демократия» оставалась во многом полицентричной, то по мере эволюции эта система, судя по всему, будет стремиться к пирамидальной форме с ярко выраженным новым центром власти на вершине этой пирамиды. Те, кто не принадлежат к доминирующему течению элиты, окажутся перед жестким выбором: соглашаться на то место в новой конфигурации, которое им отведут победители, или же окончательно распрощаться с большой политикой и бизнесом. Итак, есть основания полагать, что «управляемая демократия» будет эволюционировать в направлении системы, которую, по классификации Роберта Даля, можно отнести к «закрытой гегемонии»³⁵. Для подобных систем характерны две основополагающие черты: (1) отсутствие сколько-нибудь заметной конкуренции среди элит или же верхушечный, ограниченный и непубличный характер соревнования между ними и (2) слабая политическая активность населения, ограничивающаяся голосованием на выборах, результат которых обычно предрешен.

В некоторых политических кругах России господствует представление, будто становление государственного капитализма будет благоприятствовать успеху технико-технологической и экономической модернизации страны, рациональным образом концентрируя ресурсы на особенно важных направлениях преобразований. Сторонники такого подхода исходят из оценки предшествующих российских модернизаций, которые государство всегда проводило авторитарными методами. Выше я уже касался вопроса о возможности повторить это в условиях развитого индустриального общества. Поэтому теперь отмечу только, что в современной России при политической системе «закрытой гегемонии» государственный капитализм не будет способен к саморазвитию, поскольку в его системе отсутствуют механизмы мотивации к инновационной деятельности. В неэлитных группах ее блокирует отсутствие каналов вертикальной мобильности, верхи же, выступающие в роли операторов экспорта углеводородных ресурсов на мировой рынок, консервативны потому, что ориентированы на сохранение статус-кво.

При отсутствии источников саморазвития российский государственный капитализм обречен на стагнацию. Он так и останется отсталой в социально-экономическом отношении системой,

которую Явлинский назвал «периферийным капитализмом»³⁶. При этом неизбежным ее атрибутом станет глубокий социальный разрыв между элитой и неэлитными слоями. Первой он выигрывает: пока миллионы граждан вынуждены бороться за выживание, она защищена от конкуренции, и ей гораздо проще сохранять основы своего доминирования. Укрепив же его, элита, в отличие от ситуации 1990-х годов, уже не будет нуждаться в поддержке новых городских средних слоев. Скорее наоборот, в новой ситуации сокращение и ослабление последних (в частности, уменьшение числа специалистов с высшим образованием в передовых отраслях знаний) поможет элите сохранить завоеванные позиции. В определенном смысле российский государственный капитализм может оказаться похожим на системы, долгое время существовавшие в ряде стран Латинской Америки (Перу, Боливия). Там ориентированная на экспорт экономика стагнировала, а социальный разрыв между низами, вынужденными бороться за выживание, и верхами при отсутствии серьезной конкуренции местным элитам сдерживал политическую динамику.

Осознав, что под их контролем находятся глобальные ресурсы³⁷, российские элиты явно постараются продолжить курс на сохранение полного суверенитета во внешней и внутренней политике и будут воздерживаться от участия в каких-либо устойчивых международных экономических и военно-политических союзах и ассоциациях. Для контроля над нефтяными ресурсами и обеспечения внутренней безопасности российским элитам потребуются крупные по численности вооруженные силы. При сокращении населения их можно будет укомплектовать лишь с помощью призывной системы. Уже сейчас государство свертывает военную реформу и возвращается к призывной армии, что может привести к военной отсталости России и отрицательно сказаться на ее обороноспособности.

Хотя формируемой ныне модели присуща стагнация, она тем не менее может оказаться довольно устойчивой — если, разумеется, сохранятся благоприятная конъюнктура на мировых рынках и слабое участие населения в политической жизни. Следует, однако, указать на ряд факторов современной российской реальности, которые при определенных условиях способны подрывать стабильность этой системы.

ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

ВОЗМОЖНОГО КРИЗИСА МОДЕЛИ

Запрос на патерналистское государство, который нельзя игнорировать

Формирующаяся в наше время российская разновидность государственного капитализма консервирует социально-экономическое и технико-технологическое отставание страны от развитых индустриальных государств. Она представляет собой прямое следствие неудачной попытки модернизировать посткоммунистическую Россию. Но даже отказываясь от модернизации, российская элита не может игнорировать ее вызовы. Глобализация вынуждает ее приспособливаться к новым реалиям и реагировать на возникающие в этой связи проблемы. Однако попытки верхов создать модель, закрепляющую нынешнее переходное состояние страны, не застрахованы от серьезных трудностей и кризисов, которые способны поставить под сомнение плодотворность этих усилий. Чтобы понять, какие новые альтернативы могут появиться в развитии страны, важно проанализировать эти проблемы.

В основание модели российского госкапитализма с самого начала было заложено очевидное противоречие. Властвующая элита стала ориентироваться на построение такой экономической системы, в которой ведущая роль отведена крупным государственным или тесно связанным с государственной властью корпорациям³⁸, в то время как социальные реформы воспроизводят «англосаксонские» образцы. Он рассчитан на максимальное сокращение расходов федерального бюджета и повышение уровня жизни основной массы населения за счет стимулирования роста его доходов и осуществления программ социальной помощи на местном и муниципальном уровнях, во-первых, и на поощрение частных и гражданских инициатив в этой области — во-вторых. Но когда прибылью от высокодоходных отраслей экономики моно-

полно распоряжаются узкие группы чиновничества и связанные с ними деловые круги, а целые слои населения, не умеющие существовать без государственной помощи, вынуждены выживать самостоятельно, вероятность острых социальных конфликтов возрастает. Понимая это, властвующая элита выдвинула лозунг повышения «социальной ответственности» крупного бизнеса и не раз пыталась переложить часть социальных расходов на ведущие частные корпорации. Однако эти попытки никогда не сопровождались стремлением подготовить согласованную с бизнесом долгосрочную программу его участия в социальной политике, а сводились к тому, чтобы фактически создать за счет частных корпораций второй социальный бюджет страны.

Между тем за последние годы в российском общественном мнении сложился устойчивый запрос, который теоретически, наверное, можно было бы удовлетворить в условиях государственного капитализма, однако при существенно отличающейся от нынешней модели. Корни этого запроса лежат в массовых разочарованиях населения в реформах 1990-х годов. Вопреки надеждам и обещаниям они не улучшили, а ухудшили благосостояние большинства граждан, принесли с собой произвол «новых богатых» и чиновничества, пропасть в доходах между наиболее состоятельными и остальными общественными слоями, огромный рост преступности, непредсказуемость в политике властей, их неспособность справиться с нарастающей дезорганизацией общества. А поскольку эти преобразования проводились под флагом демократических перемен, у значительных общественных групп возникло естественное стремление установить в стране иные общественные отношения, которые были бы основаны на традиционных представлениях о порядке и социальной справедливости и гарантированы сильным государством, играющим ключевую роль в основных сферах общественной жизни. Люди с такими взглядами составляли значительную часть избирателей, проголосовавших за Путина в 2000 и в 2004 гг. Они ожидают от руководства страны не рыночных реформ, а жесткого ограничения власти и экономического могущества «олигархов», усиления налогообложения богатых слоев, отмены результатов приватизации 1990-х и резкого расширения социальных программ государства. Сторонники таких взглядов не отвергают частного предпринимательства, но, как правило, полагают, что оно должно развиваться под строгим контролем государства. Эти люди в целом положительно от-

носятся к демократическим ценностям и процедурам, выступают за соблюдение прав и свобод человека, но готовы согласиться с их ограничением во имя восстановления порядка и справедливости³⁹. Таким образом, их идеал — государственный капитализм, в основе которого вертикально интегрированное корпоративное государство с сильными патерналистскими функциями в сфере социальных отношений и популизмом в политике. В массовых представлениях такой госкапитализм предстает социально ориентированным, в нем государство опекает и защищает широкие общественные слои. В каком-то смысле это напоминает Аргентину времен Хуана Перона.

Поскольку россияне, как правило, мало доверяют существующему («актуальному») государству и его институтам, граждане переносят свои ожидания благоприятного изменения социального и политического порядка на президента страны. Исходя из своих представлений о желаемом общественном устройстве, патерналистски ориентированные группы населения хотели бы видеть в главе российского государства «отца нации», популистского лидера вроде Хуана Перона или нынешнего президента Венесуэлы Уго Чавеса. Эти общественные слои потратили слишком много сил и энергии, чтобы приспособиться к новым социальным порядкам. Они устали от перемен и откровенно отрицательно относятся к перспективе новых социальных издержек. Планы российских элит в социально-экономической сфере и в годы первого президентства Путина не соответствовали патерналистскому общественному запросу. Однако тогда российская власть ставила во главу угла своей политики сохранение и укрепление стабильности, а потому не пошла на серьезные общественные преобразования. Противоречие между намерениями элит и ожиданиями населения существовало в скрытом виде, не оказывая заметного влияния на политический процесс. С провозглашением курса социальных реформ это противоречие стало важным фактором российской политики.

Однако в коридорах высшей российской власти не принято видеть в разрыве между массовыми ожиданиями и реальной политикой серьезную проблему и потенциальную угрозу достигнутой стабильности. Считается, что в условиях «управляемой демократии», когда президент и правительство контролируют деятельность всех институтов власти в Центре и на местах, когда оппозиция слаба и не имеет доступа к механизмам принятия решений, большой популярности главы государства достаточно, чтобы с

успехом преодолеть период болезненных социальных реформ, не вызвав серьезного протеста. Достижению этой цели должны, видимо, способствовать также завершение строительства властной вертикали, переход к фактическому назначению глав субъектов Федерации. Столкнувшись с социальными протестами, губернаторы, обязанные своим постом президенту страны, вынуждены будут в первую очередь выполнять указания федерального Центра, а не требования населения, как были бы вынуждены поступать, если бы их, как прежде, избирали прямым голосованием граждане области или края.

Сторонники стратегии очередного рывка к рынку часто ссылаются на опыт радикальных рыночных реформ 1992 г., опиравшихся главным образом на доверие президенту Ельцину. Однако в политическом отношении обстановка в годы второго президентства Путина кардинально отличается от ситуации начала 1990-х. Тогда, в разгар революционной эпохи, которые всегда сопровождаются мощным подъемом утопических, иррациональных настроений, немалая часть общества с энтузиазмом приветствовала рыночные реформы. Люди верили, что они будут быстрыми и принесут заметные положительные результаты. Людей не интересовали содержание и технология реформ, они просто верили, что необходимые, но болезненные преобразования станут кратчайшей дорогой России к рыночному процветанию. Примечательно, что и Ельцин, тонко чувствовавший эти утопические настроения в обществе, всегда уходил от содержательной дискуссии по поводу реформ, а свои обращения к народу неизменно заканчивал фразой «Прошу доверять своему президенту!».

Массовое сознание послереволюционной эпохи хотя и остается во многом патерналистским и традиционалистским, тем не менее стало гораздо рациональнее, чем 12—14 лет назад. Оно не ставит перед собой сверхзадач. Зато люди хотят знать, какую цену им придется заплатить за очередные реформы и когда они смогут ощутить позитивные результаты преобразований. А поскольку власть, принявшая концепцию жестких социальных реформ, не может удовлетворительно ответить эти вопросы, кредита доверия к Путину и «вертикали власти» будет явно не достаточно для успешного проведения реформ и сохранения социальной стабильности в обществе.

Таким образом, вероятным следствием рассмотренных изменений может стать *кризис легитимности* новой модели. Подобные

кризисы случаются в ходе модернизации или по мере развития процессов, являющихся реакцией на модернизационные вызовы.

Борьба в верхах и непрофессиональные решения как факторы срыва в неопределенность

Несмотря на очевидное стремление «петербургской» команды монополизировать власть и установить политическую гегемонию, борьба в верхах за передел собственности и доступ к принятию решений не прекращается. Это может стать серьезной проблемой для формирующейся в России политической и общественной системы. Есть основания полагать, что в ближайшие годы, по мере вытеснения из властных институтов и с лидирующими экономическими позициями тех политических групп и олигархических кланов, которые добились контроля над властью и крупной собственностью при Ельцине, борьба за власть будет нарастать. Обострению межгрупповых конфликтов в верхах будет способствовать и следующее важное обстоятельство: Путин объявил о том, что одной из главных задач своего второго президентского срока он считает подготовку преемника на пост главы государства. Тем самым фактически был дан старт борьбе за политическое наследие нынешнего президента. Не исключено, что, опираясь на конституционное большинство в Государственной думе, Путин добьется изменения Конституции и станет баллотироваться на третий срок или же останется лидером страны в статусе премьер-министра, лидера прввящей партии. Однако, судя по всему, и в этих случаях, как и при смене лидера страны в 2008 г., вся энергия элиты будет направлена не на решение общенациональных проблем, а на передел влияния в государственном аппарате и бизнесе. Опыт посткоммунистического развития страны подтверждает, что российские элиты рассматривают политику преимущественно сквозь призму узкогрупповых и корпоративных интересов, принося им в жертву общенациональные. Это неизбежно снижает качество принимаемых решений и создает новые проблемы в политике и экономике. Такое политическое поведение особенно сильно влияет на ситуацию в обществе в периоды реформ. Так, банковский кризис лета 2004 г., имея под собой объективную финансово-экономическую основу, обострился во

многим из-за того, что конфликтующие группы элиты использовали его для передела собственности в банковской сфере. Кризис этот подорвал доверие городских средних слоев к государству и финансовым институтам как раз на старте нового этапа рыночных преобразований.

К тому же классу проблем, связанных с преобладанием групповых интересов над общенациональными, относятся и трудности, с которыми сталкивается Кремль при проведении своей политики на Северном Кавказе. Различные политические группы в федеральных институтах власти, не считаясь с мнением местного населения, преследуют прежде всего корпоративные интересы и пытаются навязать республикам этого региона абсолютно подконтрольных Москве лидеров. Подобная политика во многом мешала нормализовать ситуацию в Чечне и породила напряженность в Ингушетии, Северной Осетии и Дагестане. Этим умело пользовались исламские экстремисты, попытавшиеся в 2004—2005 гг. перенести вооруженный конфликт с территории Чечни на соседние субъекты Федерации. Сходные процессы возникли и в Абхазии. Желание официальной Москвы любой ценой провести на пост президента этой непризнанной республики своего выдвиженца Рауля Хаджимбу едва не обернулось вооруженным конфликтом на этой территории, ибо большинство избирателей отвергло кандидатуру кремлевского ставленника.

Проведению эффективной политики препятствует и сложившееся на основе Конституции 1993 г. взаимодействие между президентом страны и другими властными институтами в процессе принятия решений, особенно в том, что касается разделения властных полномочий и ответственности главы государства. Практически президент может самостоятельно принимать все важнейшие решения, а ответственность за их исполнение перекладывать на правительство, парламент, губернаторов и политические партии. Ельцин достаточно широко пользовался подобными возможностями в годы своего правления, особенно в период второго президентского срока. С точки зрения политического выживания президента во фрагментированной и во многом враждебной к нему политической среде такая система была вполне эффективной. Она позволяла Ельцину успешно маневрировать и уходить от ответственности за ошибочные политические решения. Но подобная система никогда не могла быть использована для консолидации элиты вокруг реализации проектов общена-

ционального развития и проведения решительной и целеустремленной политики преобразований, поскольку при данном подходе любой из политических акторов (правительство, парламент, губернаторы, отдельные министры) объективно заинтересованы в том, чтобы снять с себя ответственность за проводимую политику. В противовес предшественнику Путин в самом начале второго президентского срока намеревался сконцентрировать в своих руках не только прерогативу принятия решений, но и политическую ответственность за них. Однако затем он отказался от этой идеи и вернулся к схеме, сложившейся при Ельцине. Это будет способствовать закреплению ситуации, при которой и в дальнейшем на конкретные решения правительства в области социальных и экономических реформ первостепенное влияние будут оказывать не приоритеты реализации общенациональных проектов развития, а корпоративные и ведомственные интересы, стремление тех или иных руководителей ведомств сохранить свои позиции.

Серьезным вызовом стабильности системы является характерный для путинской политической элиты невысокий профессионализм принимаемых решений, который в обстановке серьезных политических и социально-экономических изменений повышает вероятность возникновения *кризиса эффективности* системы. Это, в свою очередь, может создать серьезные, в том числе управленческие проблемы на пути формирования модели госкапитализма. Нужно иметь в виду, что нынешняя «петербургская» элита по уровню мышления глубоко провинциальна. Она сформировалась в первой половине 90-х годов как сугубо региональная и к моменту прихода в федеральные институты власти не имела опыта общенациональной политики. Более того, ее управленческие навыки, система взглядов на политические проблемы сформировались в специфической обстановке первых лет посткоммунистического развития, когда от политиков и бизнесменов, желавших утвердиться в качестве правящих групп, особенно на региональном уровне, требовались прежде всего такие качества, как жесткость, бескомпромиссность, умение навязать свою волю оппонентам. Федеральная же политика, особенно в такой стране, как Россия, отличающейся большим разнообразием в социально-экономическом, социокультурном и географическом планах, может оказаться эффективной лишь при условии, если ее приоритетом станет поиск балансов разнообразных интересов, представленных в обществе.

Непрофессиональные решения, как правило, приводят к раскручиванию спирали проблем, которые «...накапливаются и обостряются... Бюрократам становится страшно... А потому надо принимать новые решения, принимать так, чтобы забывались прежние, нереализованные. Но это возможно, только если каждое следующее решение “круче” предыдущего. Значит, каждое следующее политическое решение, сохраняя традицию непродуманности и неэффективности, еще больше дестабилизирует ситуацию»⁴⁰.

Опыт посткоммунистического развития России также показывает, что перманентная борьба между разными верхушечными группами за передел собственности и доступ к принятию решений, особенно когда в условиях перемены власти принимают неэффективные решения, чревата возрастанием угроз раскола властвующей элиты, что может спровоцировать политические кризисы. Достаточно вспомнить, что все наиболее значимые политические кризисы за постсоветскую историю России были порождением раскола элиты, точнее, «коалиции победителей», добившейся политического доминирования на предшествующем этапе развития. Так, августовский кризис 1991 г. стал возможен исключительно благодаря расколу в руководстве КПСС между реформаторами и консерваторами, адептами «жесткой линии». Октябрьские столкновения 1993 г. между сторонниками президента страны и Верховного Совета во многом были обусловлены расколом в прежней команде Ельцина. Конфликт 1997—1998 гг. между «олигархами» и «молодыми реформаторами» в правительстве Виктора Черномырдина отразил раскол коалиции, приведшей Ельцина к переизбранию на президентских выборах 1996 г. Наконец, жесткое противостояние между «семьей» Ельцина и блоком Примакова — Лужкова на думских выборах 1999 г. было в решающей степени предопределено тем, что большая часть российской элиты, некогда поддерживавшей первого президента России, выступила против него. Политические же кризисы в условиях становления новой системы опасны тем, что они также ведут к возникновению *кризиса ее легитимности* в глазах большинства населения. Таким образом, внутриэлитная борьба, продиктованная стремлением к реализации исключительно корпоративных интересов, может в одинаковой степени провоцировать кризисы как эффективности, так и легитимности формирующегося политического порядка.

Кризис легитимности и угроза национализма

Еще одна проблема, с которой властная элита может столкнуться в процессе формирования новой общественной модели, — это *кризис идентичности* российского общества, связанный с ростом русского великодержавного национализма. Строго говоря, националистические настроения росли в российском обществе постоянно по мере разочарования в демократических ценностях и рыночных реформах, которые, в свою очередь, в массовом сознании тесно увязывались с продвижением России по «западному» пути развития. В известном смысле росту этнического великорусского национализма способствовало нарастающее разочарование населения в империи и имперских ценностях⁴¹, предсказанное еще Александром Солженицыным в его знаменитой статье 1990 г. Вместо стремления к навязыванию своих порядков другим народам, во многом обусловливавшегося мессианским желанием нести ответственность за судьбы мира, приходит нацеленность на обустройство собственной страны. Однако в условиях сохранения в массовом сознании ощущения будто бы продолжающейся враждебности окружающего мира к России, роста эмиграции из бывших республик Советского Союза и с Северного Кавказа эта устремленность на проблемы собственного развития становится одновременно питательной средой для роста этнического национализма. Усилению его влияния способствует и то обстоятельство, что после первых неудач рыночных преобразований властвующая российская элита постепенно перестала активно бороться с ростом национализма. Не сумев добиться легитимации своей власти через демократические ценности, она оказалась вынужденной апеллировать к традиционной политической культуре, в которой идеи противопоставления России Западу, державничества всегда занимали видное место. В то же время фронтальное противостояние с западным сообществом никогда не являлось целью для российских верхов, мечтавших о постепенной интеграции в мировую элиту. Тем более что и экономические интересы нового российского истеблишмента оказались тесно связанными с Западом. Из этого противоречия между целями внутривластной легитимации и экономическими интересами властвующей элиты и возникло ее двойственное отношение к националистическим настроениям. Оно заключалось в стремлении использовать их во внешне- и внутривластных целях — на

случай проведения политических мобилизаций и при разыгрывании политической карты противопоставления Западу. Поэтому власть всегда пыталась плотно контролировать эти настроения путем манипулирования общественным мнением и создания с помощью исполнительной власти политических партий и объединений, которые, усиленно эксплуатируя националистическую и антизападную риторику, тем не менее являлись бы абсолютно лояльными Кремлю. При этом властвующая элита явно опасалась перспективы превращения националистических настроений в самостоятельный фактор политического процесса, что неизбежно привело бы российскую политику к резкому сдвигу вправо, спровоцировало бы череду острых межэтнических конфликтов и существенно ухудшило отношения России с мировым сообществом. Поначалу ключевое место в политике «приручения» националистического запроса отводилось ЛДПР скандально известного Владимира Жириновского. Затем в 2003 г. с помощью кремлевских структур был создан новый национал-популистский блок «Родина», который сначала возглавлял известный экономист Сергей Глазьев, а затем политик националистического толка Дмитрий Rogozin. Умелое манипулирование националистическими настроениями оказалось весьма успешным. Эти настроения на думских выборах 2003 г. трансформировались в поддержку ЛДПР и «Родины», а на президентских 2004-го сыграли заметную роль и в победе Путина. Тем не менее достигнутые успехи не сняли с повестки дня угрозы того, что в какой-то момент эти настроения могут выйти из-под контроля Кремля, который сохраняет приверженность строительству в России многонационального государства с равными правами для разных этнических групп и в стратегическом плане не стремится к конфронтации с Западом. Дело в том, что значительная часть населения, которая находится под влиянием националистических идей, по-прежнему ожидает, что во внешней политике Путин займет более жесткую позицию по отношению к Западу, а во внутренней сосредоточится на строительстве государства, в котором русский этнос будет обладать особыми преимуществами. По мнению сторонников этой идеи, российским властям следовало бы ограничить эмиграцию в страну из государств Центральной Азии и Кавказа, ужесточить политику по отношению к проживающим на территории Европейской России и Сибири выходцам из северокавказских республик, входящих в Российскую Федерацию. Негативное отношение к «кав-

казцам» и другим мусульманским меньшинствам начинает приобретать, особенно в крупных российских городах, угрожающий характер. В феврале 2004 г. после теракта в столичном метро согласно одному из опросов общественного мнения примерно 70% жителей Москвы высказались против проживания в российской столице выходцев с Кавказа. Понятно, что если террористические акты, осуществляемые чеченскими экстремистами, будут продолжаться, то Путину и его правительству будет все труднее сдерживать рост русского национализма и его радикализацию политическими установками на необходимость поддержания мира и взаимопонимания в межэтнических отношениях и традиционными для этих случаев утверждениями, что «террористы не имеют национальности».

В массовом сознании националистические настроения тесно переплетаются с социал-популистскими, с запросом на «русского Перона или Чавеса». Поэтому нельзя исключить, что неудача социальных реформ может привести не только к разочарованию в Путине как национальном лидере, не оправдавшем эти ожидания, но, вполне вероятно, будет способствовать сдвигу общественных настроений еще дальше вправо, вплоть до требований ввести в стране открытую националистическую диктатуру и превратить Россию в мононациональное государство с привилегиями для русского этноса. В этом смысле кризис идентичности, если он и дальше станет сопровождаться ростом великорусского национализма, будет таить в себе угрозу самому факту существования России в ее нынешних пределах и тем самым подрывать перспективу реализации в стране модели госкапитализма, которую сейчас так активно продвигают наиболее влиятельные группы элиты.

ОГРАНИЧЕННЫЙ ВЫБОР:

между системным кризисом и «закрытой гегемонией»

Анализ основных тенденций современной российской политики позволяет констатировать, что поле альтернатив дальнейшего развития страны постепенно сокращается. К сожалению, перспектива осуществления социально-экономической, технико-технологической и политической модернизации страны в современной российской политике в настоящее время не просматривается. Для этого нет ни сформировавшегося субъекта модернизации, ни ясных представлений об оптимальной для России организации политического, экономического и социального пространства, нет даже национального консенсуса вокруг складывающейся ныне модели госкапитализма. Поэтому сейчас по существу можно говорить лишь о нескольких вероятных сценариях дальнейшего политического развития страны.

Так, при нынешней концентрации ресурсов в руках властвующей элиты, низком уровне политического участия населения, отстроенной системе «управляемой демократии» создание в стране стагнационной модели государственного капитализма, увенчанного «политической надстройкой» в виде «закрытой гегемонии», представляется весьма реальным. Однако для этого необходимо сочетание нескольких объективных и субъективных факторов. К числу первых относится прежде всего сохранение на достаточно длительную перспективу высоких цен на нефть на мировых рынках, поскольку стагнационная модель госкапитализма сможет стабильно функционировать только на экономическом фундаменте доходов от масштабного экспорта углеводородных ресурсов. Важно также, что при высоких ценах Россия оказалась бы в роли стабильного поставщика нефти развитым индустриальным странам. Такое положение вполне бы устроило влиятельные круги на Западе, что дало бы и российской властвующей элите *carte blanche* на проведение полуавторитарной политики внутри страны и одновременно способствовало бы ее устойчивой интеграции в мировую элиту.

Вторая группа факторов касается политического курса, проводимого властвующей элитой. Ее цели выглядят вполне достижимыми при условии, что государственная политика не будет как игнорировать реальные проблемы, уже существующие в стране, так и создавать новые. В частности, узкогрупповой подход к принятию политических решений, их непрофессионализм даже в условиях благоприятной экономической конъюнктуры могут стимулировать развитие негативных тенденций в хозяйственной жизни страны и создавать препятствия исполнению международных обязательств России. Непрофессиональные решения, в том числе и обусловленные нежеланием учитывать сложные балансы интересов в проблемных регионах страны, например, на Северном Кавказе, способны создать серьезные угрозы достигнутой общественной стабильности. В итоге накопление негативных последствий подобных решений в разных сферах политики чревато возникновением кризиса эффективности всей формирующейся системы.

Притом что «закрытая гегемония» в условиях государственного капитализма базируется на привилегированном положении элиты, находящейся вне всякого общественного контроля и защищенной от какой-либо конкуренции, нежелание верхов идти на какие-либо компромиссы с социальными низами, по-прежнему ориентированными на модель корпоративно-популистского государства, даже при низкой активности населения может породить со временем кризис легитимности политической системы, что сделает ее весьма уязвимой для разного рода внешних по отношению к ней угроз.

И, наконец, периодическое манипулирование великорусскими националистическими настроениями, к которому прибегают элиты в обстановке продолжающегося в России кризиса идентичности и при часто повторяющихся непрофессиональных решениях в области межэтнических отношений, содержит в себе опасность того, что в какой-то момент такие настроения выйдут из-под контроля и порожденная этим совершенно бесперспективная в условиях глобализации попытка создания этнонационального государства создаст реальную угрозу целостности Российской Федерации.

Итак, задача избежания возможных кризисов для властвующей элиты, добивающейся закрепления своего доминирования на длительный период, во многом связывается с минимизацией рисков,

связанных с появлением неэффективных решений и сдерживанием амбиций разных групп элиты, стремящихся использовать механизмы принятия решений для продвижения собственных корпоративных интересов, зачастую идущих вразрез с целями общенационального развития. В институциональном плане в условиях «суперпрезидентской» республики решающая роль и в процессе принятия решений, и в интеграции интересов различных элитных групп принадлежит главе государства. Если президент не уклоняется от принятия решений и стремится постоянно поддерживать балансы интересов в верхах, не допуская чрезмерного усиления ни одной из групп, шансы на сохранение стабильности политического процесса существенно возрастают. В противном случае во властных отношениях неизбежно будут возникать «пустоты», которые начнут заполняться наиболее активными акторами, преследующими прежде всего свои групповые интересы, или же может произойти монополизация механизмов принятия решений какой-либо одной группой. В обоих случаях условия для принятия взвешенных, профессиональных решений, основанных на учете различных интересов и объективном анализе разносторонней информации, заметно ухудшатся.

Другая альтернатива развития России в среднесрочной перспективе исходит из того, что в силу объективных (неблагоприятные изменения внешнеэкономической конъюнктуры) или субъективных (ошибки в политике, приводящие к нарастанию кризисных явлений) факторов предпринимаемая в настоящее время попытка создания специфической модели госкапитализма в России окажется безуспешной. В этом случае неизбежным становится масштабный системный кризис «антимодернизации», спровоцированный попыткой «трансферклассов» заменить естественный процесс трансформации России в направлении общества со свободной рыночной экономикой и открытой политической системой некой моделью, которая помогла бы этим классам адаптироваться к новым реалиям современной эпохи при сохранении архаичных основ их доминирования. Любой кризис сопровождается расколом элиты и открывает поле для новых альтернатив. По нашему мнению, применительно к данному случаю с относительной определенностью можно говорить лишь о двух перспективах. Если демократические силы и перешедшая на их сторону часть элиты смогут убедить общество, что ставка на полуавторитарные методы и устаревшие традиции в политике в принци-

пе не могут решить ни одной объективно стоящей перед страной задачи, то откроется перспектива демократических преобразований и модернизации. В этом случае россияне будут, очевидно, ожидать период «второго издания» демократических ценностей и демократической идеологии, в центре которой скорее всего окажется интерпретация демократии с акцентом на такие понятия, как власть закона, роль и значение демократических процедур, одинаково защищающих интересы всех граждан вне зависимости от их доходов и социального статуса. Если же в условиях кризиса победу одержат национал-популистские силы, которые объяснят происшедшее половинчатой политикой прежнего режима, привязавшего страну к экономике Запада, но отказавшегося от социальной ответственности перед собственным народом, велик риск возникновения открытой националистической диктатуры, базирующейся на экономической автаркии, которая, не имея реальных социальных, экономических и интеллектуальных ресурсов для самоподдержания и воспроизводства, может привести страну к национальной катастрофе и территориальному распаду.

Примечания

- ¹ *Красильщиков В. А.* Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. — М.: РОССПЭН, 1998. — С. 9.
- ² *Кастельс М.* Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России // Постиндустриальный мир и Россия — М., 2001. — С. 83.
- ³ См., например: *Khazanov A. M.* What Was Wrong? Post-Communist Transformations in Comparative Perspective // *Restructuring Post-Soviet Russia.* — Cambridge, 2004. — P. 21—51.
- ⁴ *Russia's Unfinished Revolution. Political Change from Gorbachov to Putin.* — Ithaca and London, 2001. — P. 338—371.
- ⁵ *Явлинский Г.* Демодернизация. Современная Россия: экономические оценки и политические выводы. — М.: ЭПИцентр, 2003. — С. 55—56.
- ⁶ Во время опроса, проведенного Центром Юрия Левады в январе 2004 г., 58% респондентов сказали, что адаптировались к постсоветской реальности. (<http://www.levada.ru/press/2004021001.html>).
- ⁷ Время новостей. — 2004. — 18 нояб.
- ⁸ *Явлинский Г.* Демодернизация. — С. 52.
- ⁹ Там же. — С. 7.
- ¹⁰ Например, по откровенному признанию одного из ведущих деятелей российского бизнеса, председателя совета директоров «Альфа-групп» Михаила Фридмана, «...вкладывать деньги в хайтек — я не уверен, что сегодня в России это может быть очень рентабельно. Какие-то “прорывные” направления у нас, безусловно, есть — ракетная техника, атомная энергетика и т. д. Но в массовом порядке... В отсутствие дорог, мостов и всего прочего хайтеком достаточно сложно заниматься» (Итоги. — 2003. — 18 февр.).
- ¹¹ *Красильщиков В.* Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. — М., 1994. — С. 89.
- ¹² *Тренин Д.* Идентичность и интеграция: Россия и Запад в XXI веке // *Pro et Contra.* — 2004. — Т. 8. — № 3. — С. 18.
- ¹³ К ней, на мой взгляд, наиболее применимо выработанное Р. Далем определение «конкурирующей олигархии» (см.: *Dahl R.* *Poliarchy: Participation and Opposition.* — New Haven, 1971. — P. 7).
- ¹⁴ См., например: *Ситников А.* Россия живет при делегируемой демократии // *Независимая газ.* — 2004. — 3 авг.; *Шейнис В.* Управляемой демократии можно сопротивляться // Там же. — 5 нояб.

- 15 *Сатаров Г.* Демократура // Новая газ. — 2004. — 25 окт.
- 16 Подробнее материалы дискуссии о законе о СМИ см.: Газета. — 2004. — 30 июля.
- 17 <http://www.hro.org/ngo/duma/51/08/htm>; http://vif-s.narod.ru/F2/03/04_079b.html.
- 18 *Pipes R.* Flight From Freedom. What Russians Think and Want // Foreign Affairs. — Vol. 83. — № 3; *Дубин Б., Гудков Л.* Все едино: Российскому обществу жить стало хуже, жить стало скучнее // Итоги. — 2001. — 23 янв.
- 19 *Ситников А.* Россия живет при делегируемой демократии...
- 20 Например, в мае 2002 г. премьер занял самостоятельную позицию в вопросах о темпах экономического роста и административной реформы.
- 21 *Шевцова Л., Клямкин И.* Внесистемный режим Бориса II: Некоторые особенности политического развития постсоветской России. — М., 1999.
- 22 http://www.kremlin.ru/appears/2003/05/16/1259/_type63372_44623.shtml.
- 23 *Сатаров Г.* Указ. соч.
- 24 Впрочем, представления разных авторов о сущности этой модели отличаются друг от друга.
- 25 См., например: *Радыгин А.* Россия в 2000—2004 годах: на пути к государственному капитализму? // Вопр. экономики. — 2004. — № 4; http://www.gazeta.ru/comments/2004/08/a_144157.
- 26 Многие специалисты считали эти события прямым результатом действий ЦБ.
- 27 <http://www.wciom.ru/?pt=45&article=865>. Этот показатель оказался выше, чем у таких форм размещения сбережений, как покупка иностранной валюты (23%) или открытие счетов в «дочках» иностранных банков (6%).
- 28 http://www.kremlin.ru/appears/2004/05/26/2003_type63371-71501.shtml.
- 29 *Шведов Г.* Не любишь Путина — плати // <http://www.gazeta.ru/comments/expert/139722.shtml>.
- 30 Наибольший поток туристов направляется за рубеж именно из столицы России.
- 31 Новая газ. — 2004. — 30 авг.
- 32 Новая газ. — 2003. — 13 нояб.
- 33 Независимая газ. — 2004. — 28 апр.
- 34 *Dahl R.* Op. cit. — P. 7.
- 35 *Явлинский Г.* Периферийный капитализм. — М., 2003. — С. 36.
- 36 Значение района Персидского залива как главного источника нефти для индустриальных стран будет уменьшаться в связи с перспективой длительного сохранения и усиления нестабильности в регионе, а значит, позиции России укрепятся.

- ³⁷ Иногда по аналогии с Южной Кореей этот процесс нередко называют «чеболизацией».
- ³⁸ <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/media/8863petukhov.doc>.
- ³⁹ Сатаров Г. Демократура // Новая газ. — 2004. — 25 окт.
- ⁴⁰ <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/media/8842Соловей.doc>.

Summary

Nearly 20 years ago, then Soviet leaders implemented their first decisions to liberalize economic and political life, marking the start of a gradual market-oriented transformation of Soviet and, later, Russian society. The initial impulse driving these changes, as has been the case in Russian history so many times before, was to overcome the country's lag behind highly developed states by modernizing its economy and technology. However, neither Russian society at large nor the ruling elites took advantage of the modernization option that had been chosen; there turned out to be no genuine demand for this fundamental choice—which had laid the foundation for Russia's ensuing socioeconomic and political transformation—either in the tumultuous 1990s or during the period of stabilization at the turn of the 21st century. Instead, Russia is once again searching for a “special” course of development, which would allow it to adapt to the world's new realities without introducing significant domestic changes. Usually, the justification put forward for such an approach is the desire to preserve a unique domestic system of economy and politics. Why, over the past decades, has the country so staunchly rejected the modernization option? How successful can the new social experiment prove to be? These are the questions considered in this publication.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения исследований в области международных отношений. Фонд не пользуется какой-либо финансовой поддержкой со стороны государства и не связан ни с одной из политических партий в США или за их пределами. В его компетенцию не входит предоставление грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты, которые используют в своей практике богатый опыт в различных областях деятельности, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства и не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, поэтому спектр взглядов его сотрудников довольно широк.

Идея создания Московского Центра Карнеги родилась в 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкую программу общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют циклы семинаров по внутренней и внешней политике России,

по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE
1779 Massachusetts Avenue, NW Washington, DC 20036, USA
Tel.: (202) 483-7600
Fax: (202) 483-1840
E-mail: info@CarnegieEndowment.org
<http://www.carnegieendowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2
Тел.: (095) 935-8904
Факс: (095) 935-8906
E-mail: info@carnegie.ru
<http://www.carnegie.ru>

Андрей Рябов

**«Самобытность» вместо модернизации:
парадоксы российской политики
в постстабилизационную эру**

Редактор А. И. ИОФФЕ

Оформление и верстка Д. А. БАСИСТЫЙ

Изд. лиц. № 060437 от 26.11.1996.

Подписано к печати 22.06.2005.

Формат 60х90¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Литературная.

Печать офсетная. Усл. п. л. 4,0.

Тираж 800 экз.

Издательство «Гендальф». Москва, Крымский вал, 8.